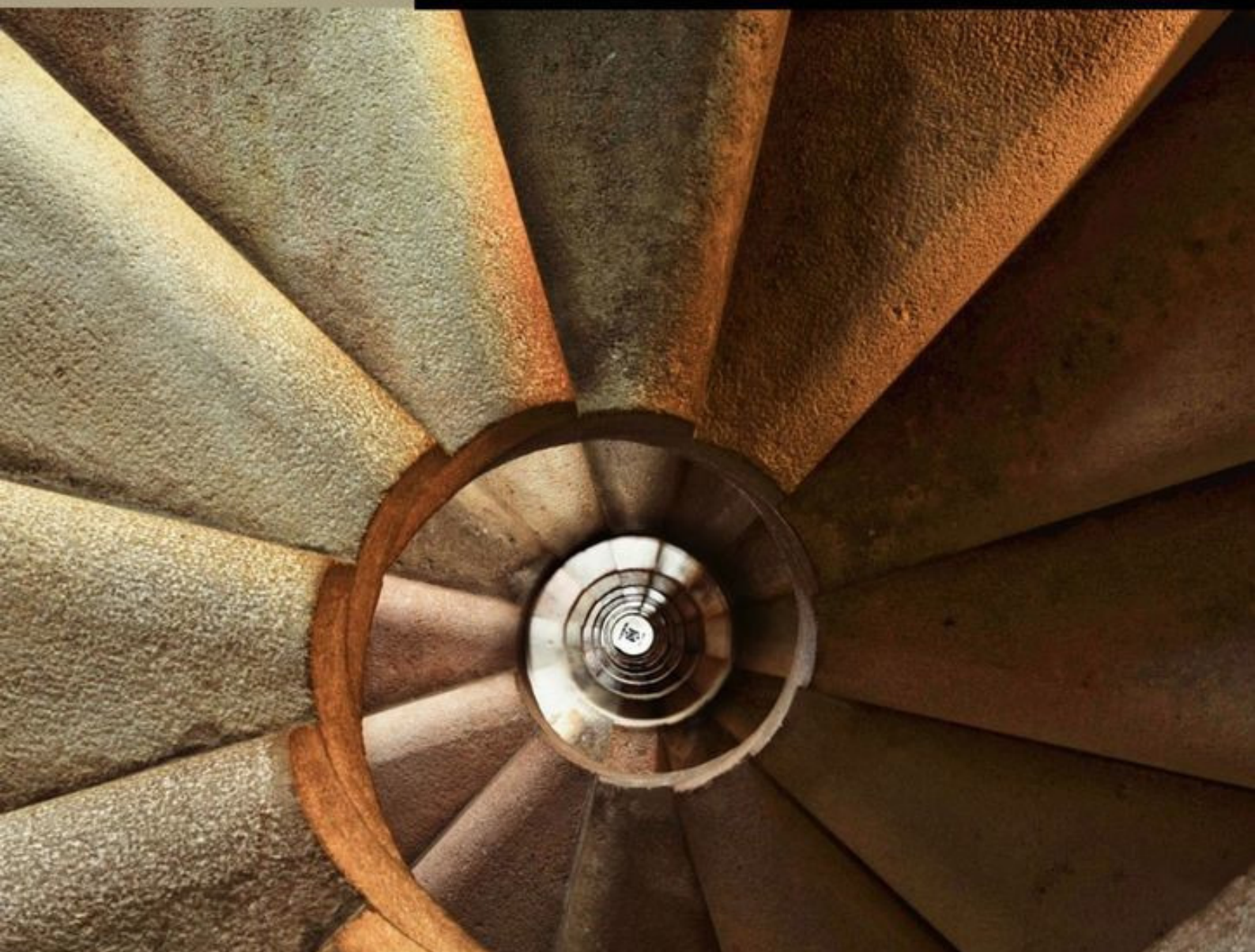

18+

ЕЛЕНА ЕСИНА

ВОСЕМНАДЦАТЬ СТУПЕНЕК

РОМАН ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Елена Есина

**Восемнадцать ступенек.
Роман от первого лица**

«Издательские решения»

Есина Е. К.

Восемнадцать ступенек. Роман от первого лица / Е. К. Есина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934663-6

В каких случаях женщина решается на измену законному супругу? Разочарование, обида, страсть, вожделение — бесспорно! Внезапно вспыхнувшие чувства — закономерно! Но Инне Барцевой, талантливой художнице-самоучке кажется, что ею движет исключительно страх. Роман «Восемнадцать ступенек» поднимает извечные вопросы верности, морали, доверия. Это история одной девушки, адресованная её любовнику. А вы бы смогли поведать о себе всё без утайки?

ISBN 978-5-44-934663-6

© Есина Е. К.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	29
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Восемнадцать ступенек

Роман от первого лица

Елена Константиновна Есина

© Елена Константиновна Есина, 2018

ISBN 978-5-4493-4663-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*В комнате с белым потолком,
С правом на надежду...
Nautilus Pompilius*

От моего дома до твоего три остановки на маршрутке, если ехать от храма и четыре, если сесть в автобус у пруда.

Утренний общественный транспорт пахнет духами, гречневой кашей, ваксой и мятной жевательной резинкой. Тепло, тесно, закашляли, надышали.

Триста шагов – путь из А в В, от железной подножки маршрутки до твоего подъезда. Примерно пять минут ходьбы в обычном темпе, и на две минуты больше, если плестись, как снулая черепаха, когда становится совсем уж невмоготу.

Промзона. Трубы котельной, стыдливо притаившиеся за березовыми стволами. Восемь часов сорок минут по московскому времени. Свежо. Тропинка среди берез – полоска выщербленного асфальта. Голуби, галки, пожилые собачники. Чувствую на себе косые взгляды прохожих, невольно поеживаюсь, брезгливо морщусь. Социопатия с каждым днем все плотнее, все ощутимее, словно еще немного – и она обретет физическую форму, воплотится, окутает меня слоем резиновой массы, и я исчезну.

Подъезд. Типовое здание пятиэтажного общежития. Код решетка – сорок два – тридцать. Повернуть в левое крыло. Подняться на пандус – повернуть направо – девять ступенек, еще раз повернуть и снова девять. Восемнадцать гребаных ступенек, если считать все вместе. Серая железная дверь от этажа смачно лязгает, нешироко распахивается. Ты меня встречаешь с настороженностью в глазах, в сланцах на босу ногу и с каплями воды на обнаженном торсе. Надеюсь, под твоими домашними штанами сегодня хотя бы есть нижнее белье. Преодолеваю последнюю пару ступенек. Отстраненно гляжу сверху вниз на носы своих ботинок. Словно не я это, а кто-то другой, совсем другой человек поднимается по пыльной лестнице, мимо мутного оконца с серым от времени подоконником, на который некто выложил стопку весьма почитанных бульварных романов в ярких обложках.

Пока я не перешагнула порог, что за певучей железной дверью, мир полон звуков, красок, запахов. Ощущения привычно царапают собой каждый мой орган чувств. Но вот дверь снова щелкает – теперь уже за спиной. Запахи щей, моющих средств, корвалола и табака смешиваясь, образуют воистину странное амбре. Так пахнут людские жилища: бедностью, надеждой, жизнью.

Спотыкаюсь о чей-то забытый самокат без одного колеса в длинном извилистом коридоре. Налетаю плечом о бесхозный деревянный стеллаж.

Так начинается еще один бесславный день.

По утрам разум одновременно трагически чист и сонлив. Бормочу какую-то ерунду, пока ты вешаешь мое пальто в шкаф, попутно соглашаюсь на чай. Да, черный. Два сахара. Сажусь на кровать, подобрав про себя ноги, шарю в сумке в поисках сигарет.

Почему мне в твоём присутствии до чертиков, до голодной слюны, отчаянно хочется курить? Словно нечто во мне просит передышки.

Дым плывет, его впитывают мои волосы, стены, шторы. Хочется спать. И рыдать. А еще хочется встать и уйти, вернее, убежать на воздух, в утро, где ветер, собаки и уютный городской

гомон, слиться с толпой, которой нет дела до дыры, что растет в моем сердце минуту за минутой.

Чай готов. Ты вальяжно опускаешься на подушки, притягивая меня к себе. Закрываю глаза, пытаюсь представить себя ящеркой, обычной ящеркой на теплом камне. Душно, накурено, натоплено до ломоты в висках. Твое дыхание на моих веках, твои руки скользят по моему телу. Снова перестаю чувствовать себя единой со своим организмом. Словно не я лежу распластанная и без штанов под крупным мужчиной, словно не мои руки цепляются то за покрывало, то за подушку, и как будто не мои волосы растрепались и противно лезут в глаза и в нос. Чудится, что это такое кино, жалкое и неинтересное, однако в лучших традициях хоум видео. Во рту становится кисло, как от несвежего пива. На секунду возвращаюсь в брненное тело. Ты наваливаешься на меня, страдальчески бормоча: «Ну, пожалуйста, не делай ты такое лицо!» Мышцы в паху предательски ноют, растягиваясь, в промежности саднит. Мне жарко и внезапно стыдно – стыдно за бледную кожу, за предательские складки на животе и на спине – следствие ночных прогулок к холодильнику и малоподвижного образа жизни. Мне неловко за незрелый прыщ на левой груди и за лёгкую щетинку на голени. Мне кажется, что от меня дурно пахнет. Потолок над нами грязно бел, словно плохо выстиранная простынь,

Ты переворачиваешь меня на живот, хлопаешь по ягодицам и ускоряешься. Кровать лихо прыгает под нашими телами как норовистая стиральная машинка в стадии отжима. Тянешь меня за волосы, хрипло вскрикиваешь, стонешь и впечатываешь пальцы в бока. Всё. Теперь можно убрать спутавшиеся пряди с лица, завернуться в покрывало и еще раз закурить. Хочется в душ, но абсолютно не радует перспектива разгуливать по общему коридору после того, что только что происходило. Кажется, что подробности сего отстранённо-меланхолического полового акта написаны у меня на лице.

А теперь, наверное, надо к сути. Меня зовут Инна, и я изменяю мужу. Мне тридцать три года, и я не знаю, доживу ли до тридцати четырёх.

Порой я просыпаюсь утром, выходной день сочится блеклым пасмурным воздухом в окно со старорежимными деревянными рамами. Подушка пахнет свежестью, подле нахально щурится любимый полосатый котёнок, сзади спит муж, в соседней комнате дочь деловито учит уроки или не менее увлечённо строит кукольные домики в «Симс». Мне на мгновение кажется, что всё хорошо и правильно. Что я сейчас встану, умоюсь, сварю геркулесовую кашу, заплету Катке косы, и жизнь потечёт спокойно и размеренно, как мечталось когда-то.

Но между первой утренней дозой никотина и проверкой электронной почты я понимаю, что мир сдвинулся, сдвинулся окончательно. Мало того, он неуклонно продолжает головокружительное скольжение, тихое, но уже отчетливо заметное. Чтобы отмахнуться от этого чувства, наполняю утро привычными бытовыми заботами: завтрак, свежесваренный чай, стирка косы, уборка, глажка. Привычно стучаюсь правым бедром о мольберт, хранящийся в коридоре. Бужу мужа, заправляю постель, и, взяв в союзники чашку кофе, занываю в соцсети. Чувство щеко-чущей раздвоенности не покидает меня все чаще и чаще. И опять я как сторонний наблюдатель фокусирую взгляд на том, как мои руки нарезают батон, споласкивают тарелку, ловко переплетают светлые гладкие пряди. Прижимаюсь щекой к дочкиному затылку, вдыхая родной запах, возвращаюсь в берега тела, которое, как кажется, теперь мне едва ли принадлежит хотя бы на треть.

Запираюсь в ванной, в тщетном стремлении отгородиться от мира за выкрашенной белой краской дешёвенькой дверью. В голове пульсирует: «Мне 33 года. Моей дочери 11 лет. Я пишу забавные акварели, и даже стала лауреатом нескольких конкурсов. Я не умею варить пельмени. Я не закончила университет. Я работаю кладовщиком в магазине мало кому нужных спорттоваров. Я могу сносно изъясняться по-английски. Я не выхожу из дома без пузырька валерьянки

и пластинки супрастина. За плечами 12 лет брака. Моя мать живет за 1000 км отсюда. Мой отец ушел из семьи, когда мне было 13. Я способна составить претензию о ненадлежащем оказании услуг. В детстве я вела личный дневник. Я однажды целовалась с девушкой. Я неплохо разбираюсь в трудовом праве. Я три года пахала как проклятая и заработала в итоге лишь обязательства по трем кредиткам. Я люблю фантастику и тяжелую музыку. Я знаю, как приготовить идеальный бисквит. В детстве я мечтала стать великим путешественником. Я упустила почти всех друзей из виду за последние годы. Я сплю с человеком старше меня на 16 лет. У меня зубы в скверном состоянии, небольшой гормональный сбой и невралгия тройничного нерва. Я могу выпить бутылку виски и не захмелеть. Я никогда не была на море. Я ничего не достигла в жизни. Я не знаю, как жить дальше. Мне кажется, у меня налицо симптомы биполярного расстройства. Только где уж выпускнице сельского техникума с квалификацией юриста судить о состоянии собственной психики, если не знать, какие именно признаки могут свидетельствовать о неполадках? Или я вся – одна сплошная неполадка?»

Больно дышать. Включаю воду, и некоторое время бесцельно грею руки под теплыми струями. Как бы я хотела, чтобы теперешняя реальность однажды оказалась всего лишь сном...

Чтобы обозначить светлые места на рисунке, художник добавляет белила в темные тона. Чтобы подчеркнуть тень, подмешивает черную краску.

Так как же случилось, что все яркие пигменты на холсте моей жизни постепенно уходят под флер всё сильнее сгущающейся тени?

Часть I

Акварельная быль

Глава 1

*Она читала мир как роман,
А он оказался повестью.
Соседи по подъезду —
Парни с прыщавой совестью.
Прогулка в парке без дога
Может стать тебе слишком дорого.
Мать учит наизусть телефон морга,
Когда ее нет дома слишком долго.*

«Nautilus Pompilius».

С определенной долей иронии могу сказать, что меня сгубило то, что читать я научилась в четыре года. Лет до двенадцати читала запоем всё, что только попадало под руку – от «Волшебника изумрудного города» до родительских учебников по анатомии и психиатрии. Мимходом проглатывая Чехова, Бунина и Гончарова, книги из «Советской библиотеки пионера». На закуску же листала толстенные подшивки журналов «Здоровье» и «Работница». В неполные восемь лет я замахнулась на «Капитал», но не осилила. В 10 добралась до верхней полки в отцовской библиотеке, выудила «Философию будуара» Маркиза де Сада, задохнулась, скриivilась и впредь устремила свой взор исключительно на антологию американской фантастики, Майн Рида и Фенимора Купера. Дюма-отец и О. Генри были прочитаны от корки до корки и уже успели порядком прискучить.

Насколько ловко я управлялась с печатным словом, настолько тяжело давалось мне общение со сверстниками. В школе была у меня парочка подруг, во дворе же я одно время дружила исключительно с ребятами младше меня на пару лет, ибо бдительная бабушка не разрешала уходить далеко от двора. Подростки постарше превесело играли в казаки-разбойники по всему району и даже ездили купаться на реку в особо жаркие летние деньки. Благодаря такой свободе они поглядывали на меня с видимым превосходством, и, я одно время отчаянно огорчалась этому, а потом смирилась. Я коротала дни в тенистом дворе, чаще всего с очередным толстым томом на руках, играла с младшими подружками и рассказывала им между делом выдуманные истории, мастерила кукол из спичек и цветов мальвы и одуванчиков.

Иногда мы покушались на пышные клумбы, разбитые трудолюбивыми соседками в огромных колесах в поисках более изысканных цветов. Колеса (или вернее сказать – покрышки?) эти были выкрашены во все цвета радуги и населены многоцветным буйством цветущих и плетущихся растений. Благодаря растрепанным подшивкам журналов «Цветоводство» и «Приусадебное хозяйство» я могла дать определение практически любому цветку: мирабилис, эшшольция, львиный зев, гиацинты, лилейник, флоксы.

Теплые летние деньки сменялись школьными буднями. Учиться, кстати, мне было до смешного просто. Приготовление уроков не занимало много времени, и очень часто мне приходилось скучать. Впрочем, городская библиотека всегда была в моем распоряжении, как

и три канала по телевизору, и прогулки, и какие-то школьные мероприятия. Если оглянуться на пятый, шестой, седьмой классы – неплохое было время. Выходные я старалась проводить у бабушки с дедом, родители меня особо не напрягали, потому что я не доставляла им особых хлопот, но и многого не позволяли. Ну, или мне так казалось. Периодически загоралась какой-либо идеей, записывалась в различные кружки – театральный, художественный, аэробика, вязание крючком, но быстро к ним охладевала. Ведь у меня были книги, множество заколок с яркими камешками и стаканчик мороженого почти каждый день.

А потом всё как-то резко переменялось. Запил и начал чудить отец. Умерла прабабушка, едва отпраздновав девяностошестилетие. Поменялись деньги – количество нулей на купюрах уменьшилось на три. Я внезапно выросла из всех вещей буквально за несколько месяцев. В мою трещащую по всем швам жизнь неожиданно вошла рок-музыка, чтобы поселиться в ней навсегда. Меня стало бесить собственное отражение в зеркале. Родители развелись, и я вдруг поняла, что совсем не представляю, как жить вдвоем с мамой под одной крышей. А еще вдобавок я безответно влюбилась в мальчика из параллельного класса и неожиданно стала весьма сносно писать акварелью и даже сотрудничать с паршивенькой районной газетенкой, которая периодически печатала мои картинки и доверяла делать иллюстрации к сиропным рубрикам типа «Проба пера» и «Голубые родники».

Я уже говорила, что с печатным словом мои отношения складывались не в пример лучше, нежели с живыми людьми?

Да, тот мальчик, коего я долгое время воображала своей первой любовью, поднял меня на смех, едва стоило мне признаться ему в чувствах. А признавалась я, как водится, в письме. О, эти множество раз переписанные, выверенные до словечка строчки на двойном клетчатом листочке!

Примерно в эту же эпоху я разругалась с подругой, которую считала лучшей, из-за какого-то ничтожного пустяка, нахватала троек по физике и окончательно замкнулась в себе.

А лет в четырнадцать у меня завелся друг, с которым мы целовались по подъездам и говорили о «наутилусах». Стояла зима, он прижимал меня к зеленым почтовым ящикам, верхний край одного из них больно врезался в спину, и мне было одновременно дико и весело оттого, какой пустой становилась голова, когда язык Олега кружился у меня во рту, от его дыхания, щекочущего шею. Его руки расстегивали неуклюжие застёжки моей дубленки и уверенно гладили грудь поверх свитера грубой вязки. На этом собственно, и всё и заканчивалось. По большому счету, я принимала такие нежности за правило игры, в которую рано или поздно играют все подростки. Главное, следовать нехитрому ритуалу – это можно, а то нельзя, а вот это вот – можно, но только осторожно.

О сексе я в то время знала уже достаточно много, но от теории к практике переходить не стремилась совершенно. Зачем, когда и так все хорошо вроде, и правильно, да и дети, говорят, от этого процесса случаются. Олег в принципе тоже особо и не настаивал. Прогулок – с каждым днем все дальше и дальше, обмена музыкальными записями и длительных вечерних поцелуев хватало вполне. Я решила, что мы встречаемся, и это льстило моему девичьему самолюбию. То, что мой молодой человек не знакомит меня со своей компанией, меня даже радовало – слишком скучными мне казались люди, входившие в нее.

Так продолжалось всю зиму, пока абсолютно внезапно в школе не произошел неприятный инцидент: проходя мимо шумной толпы парней из той самой компашки, я услышала слово «кошелка», а также смех и заинтересованные взгляды в мою сторону. С удивлением заметив

Олега в этой толпе, я все же пошла по своим делам, а вечером затребовала у него объяснений и заодно спросила, говорил ли он что-нибудь своим друзьям обо мне. Мой незадачливый кавалер сразу как-то весь сжался, затем смерил меня долгим взглядом, и сказал:

– Знаешь, Инка... Ты, конечно, человек и хороший, но... сама понимаешь.... В общем, меня уже все на смех подняли, что с тобой связался.

– А что со мной не так? Уродина, да? – я вспыхнула, разозлилась и смешалась одновременно.

– Да причем тут – уродина, не уродина. Ну не Памела Андерсон, да... Но дело не в этом. Ведешь себя странно. Разговариваешь странно. Одеваешься вообще... Диковато.

Олег оглядел мою черную шифоновую блузку в мелкий цветок, заправленную в черные же потертые джинсы и остановил свой взор на лаковых туфлях на каблуках, мимолетно покосившись на массивную железную цепь, повязанную на запястье в виде браслета.

– Ну, и потом. Ты за Петькой из параллельного бегала весь прошлый год. Ну, там преследовала его, письма писала. Ржал и ваш класс, и наш, одному Петьке было, мягко говоря, не смешно, зачморили его все нормальные пацаны. Я, понимаешь ты, не хочу, чтоб ко мне тоже так относились. Ты миленькая, с тобой интересно, но ты не пробовала быть чуть проще?

Я стояла, прислонившись плечом к стене за гаражами, и боролась с приступом внезапной тошноты. В животе стало холодно и колко. Ладони вспотели, и я не знала, куда их деть – то ли обернуть о джинсы, то ли сунуть в карманы.

Олег демонстративно закурил и продолжил:

– Еще ты гуляешь только до девяти вечера. Многие в это время только на улицу и выходят. И о чем, господи, о чем ты постоянно пытаешься мне рассказать? Какие-то книжки твои. Стендаль, Бальзак, кто там еще у тебя? Тебе неясно, что никому это, ни кому не интересно! И не нужно. Ясно тебе это, Ин? В школе грузят, дома грузят, ты ещё вдобавок пригружаешь.

– А почему ты тогда таскаешься со мной? Ну, ходишь... И все такое? – отстраненно спросила я.

– Да хер знает. От скуки. Целуешься опять же так, что ммм...

Олег коротко хохотнул. Я дернула плечом, не зная как реагировать на это.

– Знаешь, ты лучше больше... Не надо нам гулять. Не хочу тебя больше видеть, – мой голос звучал, словно из-под плотного одеяла, холод из живота дополз, казалось до шеи, и заморозил связки.

– Ну, давай тогда, Ин. Ты мне только, это, письма не пиши, как Петьке? – Олег заржал и выпустил мне в лицо струю дыма.

Ну что сказать? Было гадко. Было мерзко. Было противно. А вот больно – совсем не было. Видимо, раз от меня уже второй парень шарахается как черт от ладана, есть во мне некий дефект, червоточина, что ли. Раз не получается ни дружить, ни любить толком.

Дома я долго рассматривала себя в зеркале. Бледные светлые брови, тяжелые русые волосы, глаза то зеленые, то желто-карие, непонятные, будто в крапинку. Дурацкая мамина блузка. Дурацкие штаны. А я-то навоображала, что имею донельзя романтический и недоступный вид. Дура. Хотелось поплакать, но слезы не шли.

На следующий день я, кинув блузку с цветочками в угол, надела в школу обычную черную водолазку и юбку из странного материала, имитирующего кожу. Заплела волосы в две косы, накрасила ресницы и брови и даже подвела глаза маминым карандашом, жирно, щедро так подвела.

Разговаривать ни с кем не хотелось, видаться, впрочем, тоже. А прогуливать было тошно, ибо негде. Я кое-как отсидела уроки, зашла в библиотеку и побрела домой через парк, не разбирая дороги. На колготках чуть выше колена уныло ползла стрелка.

На тропинке, скрытой от глаз случайных прохожих, сидело четверо – тот самый Петька, которому не повезло стать адресатом моего письма и трое его закадычных дружков – Шпуля, Рыжий и Костик. Они самозабвенно резались в карты, и пили пиво.

– Ооо, какие люди. Какие авторитетные люди почтили нас своим вниманием! – дурашливо завел Рыжий.

– Отстань от нее, может, она заразная! – хихикнул Шпуля.

А Петька неожиданно посмотрел на меня, и небрежно спросил:

– Пиво будешь?

Год назад от пары слов, брошенных им в мою сторону, меня бросало в жар, и я начинала блаженно улыбаться. Но теперь мне было безразлично его слова, равно как и выпады остальных приятелей.

– Нет, не буду, – равнодушно ответила я.

– А чего так, гордая такая?

– Нет, не люблю просто – пожалала я плечами.

– Ну давай в карты тогда с нами, на раздевание? – хитро жмурясь, предложил Рыжий.

– Сам бери и раздевайся, если приспичило, – фыркнула я.

– Не, правда, может, разбавишь нашу компанию, – неожиданно сказал Петька. – Не слушай ты этого. Он у нас того, убогонький.

– А почему бы и нет, – неожиданно согласилась я.

Дома никто не ждал, мама с бабушкой с утра уехали на дачу, читать не хотелось, думать тоже. А слоняться из угла в угол уже надоело.

Лениво сыграли несколько партий в простого дурака и еще парочку в переводного. Кто-то предложил играть на желание. Становилось скучно, и эта идея вызвала горячую поддержку со всех сторон, и даже с моей.

Игра пошла веселее. Проигравший Петька ходил на руках, следом Шпуля был послан за пивом. Я, проиграв, пугала случайных прохожих вопросами в роде «где тут психиатрическая больница», и «подскажите, как проехать на кладбище», Рыжий дважды остался в дураках и в первый раз ушел стрелять сигареты, а во второй залазил на столб и орал по-ослиному. Наконец прискучило и это. Я проиграла во второй раз. Загадывал желание Костик, светловолосый и светлоглазый, с едва заметными веснушками на носу.

– Блин, Инка, не знаю даже, что тебе такое загадать.... Слууушай, а покажи сиськи!

– Ты чего, совсем debil? – прямо спросила я. День клонился к вечеру.

– Да, Костян, ты серьёзно, что ли? – поморщился Петька.

– Не, ну если вам хочется дальше ослами орать и людей пугать, то ради бога, давайте пусть будет другое желание. Инка, иди за пивом.

И тут я поняла, что встряла. За пивом мне было нельзя. В зеленом ларьке, торгующим легким алкоголем, мороженым и еще какой-то ерундой, восседала наша соседка тетя Рая. Мне не улыбалось получить нагоняй еще и от матери. Но объяснять это парням не хотелось.

– Сами идите за своим пивом, нашли посла, то есть гонца, – лениво отозвалась я.

– Не, ну так нельзя, на желание же играем, ну ты в натуре кошелка, реально тупая она, – наперебой заговорили пацаны.

Мне это надоело. Я встала, задев чью-то бутылку, и пиво мутной пеной потекло в траву. Посмотрела на ребят, и, зажмурившись, резко подняла водолазку вместе с бюстгалтером почти до горла. Теплый ветерок коснулся моих сосков. Стало зябко.

– Довольны? Вот ваше желание, – я вернула одежду на место.

Остолбеневшие лица парней были мне наградой. Наконец-то их удалось заткнуть, пусть даже столь оригинальным способом. Снова стало холодно в желудке.

– Мудак ты, Костян, – спокойно сказал Петька, – А ты...

Он покосился в мою сторону и помахал в воздухе рукой, будто силясь объяснить сложное слово.

– Я это, домой пойду, – нарушила я паузу. В голове всплыла фраза из Ильфа-Петрова о том, что вечер перестает быть томным.

– Ага, пока, – нестройно отозвались парни.

Рыжий огорченно рассматривал свою бутылку, из которой все текло и текло пиво.

Я покосилась на стрелку на своих колготках и молча стала пробираться на нормальную тропинку.

– Ты это, лучше совсемними колготки, заметно же что порвались, – крикнул мне вслед кто-то – то, кажется, Шпуля.

– Мне кажется вам на сегодня достаточно обнаженного тела, – не оборачиваясь крикнула я.

Перед сном я перебирала события этого странного дня. Неожиданно я подумала, что в принципе, не так страшно общение каким оно мне чудилось, но то, что оно не страшное, совсем не значит, что оно не тоскливое. И, что, пожалуй, мне одной как то проще и комфортнее. Немножко царапался стыд где-то в самых недрах организма, но в целом мне было сносно. Я не знаю, зачем я так бесстыдно показала грудь мальчишкам, которые потешались надо мной два последних школьных года. Явно не из-за проигрыша в карты! Может, я хотела показать, что мне на них наплевать, наплевать настолько, что мне безразлично, перед ними задрать кофту, либо перед деревьями? Слегка болела голова. Спать не хотелось абсолютно. В голову лезли странные мысли – интересно всё же, как нас оценивают посторонние люди? Ну, или просто другие? По внешности, по одежде, по поступкам, по словам? Или вообще никто никого не оценивает, а все живут по инерции, подчиняясь традициям. Тупо общаются по воле долга, чтобы заполнить пустоту в собственной голове? Чтобы наполнить свои дни подобием смысла?

По дороге в школу меня догнал Костик.

– Инкааа! Стой. Да подожди ж ты.

Я остановилась.

– Ну, ты вчера и отожгла. Молодец! Нет, ну реально молодец!

– В чем же? – безразлично спросила я.

– Ну, не проспорила. То есть... ну... карточный долг там, все дела... Пошли, покурим!

– Я не курю, – пожала я плечами.

– Что, тоже не любишь, как и пиво?

– Нет, воняет, – дальнейший разговор мне показался лишенным любого смысла и резона.

– Ладно, хорошо, что не куришь. Ты не обижайся за вчерашнее. Я был пьяный и дурак.

Простишь меня?

– Если тебе так будет проще, то прощу, да и не за что. Только оставь меня в покое, пожалуйста, – я стала утомляться от этого никчемного диалога.

– Иииинн... – протянул подросток.

– Ну, в чем еще дело?

– Я бы хотел это... Загладить свою вину. Ты в курсе, что в субботу в Доме Культуры рок – концерт? Ты ж вроде как в теме? Не хочешь сходить?

Я опешила.

– Я-то конечно в курсе. А так же в курсе о том, сколько стоит билет. И именно поэтому лично мне это концерт не светит. Неясно только, с чего ты в курсе, ты вроде гранжа от хэви металла отличить не можешь.

– Я-то, может, и не могу. Но у меня сестра работает, если что, в том самом ДК. Она пригласительные принесла, говорит, мол, сходи с друзьями. А мои друзья на такое в жизни не пойдут, даже на халяву. Ну ладно бы там металика приехала, или The Prodigy. А то Пик-

ник, – Костя жалобно сморщился и сделал вид, словно подавился. – И тут я про тебя подумал вчера. Вечером... что... ты была бы рада сходить, ну там послушать. А то пропадут билеты-то!

– Я подумаю, – отстраненно ответила, прокручивая в голове варианты, чем грозит пойти, а чем не пойти.

В пятницу у матери ночная смена на работе. Так что можно сходить, отчего ж нет то. Дело только в том, что перспектива Костиного сопровождения не вызвала у меня восторга. С другой стороны, может он и нормальный парень, а я, наоборот, со странностями. Впрочем, «Пикником» не разбрасываются.

Несколько дней в ожидании пятницы прошли быстро и рутинно. Уроки. Теплые весенние вечера в лёжку на диване с новым мифом от Роберта Асприна. Помощь матери по дому. Холодок, поселившийся в животе после разговора с Олегом, никуда не делся, напротив, словно рос и рос с каждой минутой. Наполнял меня все большим безразличием к окружающему. Сам Олег перестал даже здороваться, лишь иногда я ловила на себе его какие-то странные взгляды.

А на концерте было жарко и тесно. Пикник выступал как всегда на уровне, менялись декорации, и своеобразный голос Шклярского плыл и плыл над разгоряченной толпой, повергая меня в мистический транс и восторг. От Костика я поначалу отмахивалась как от надоедливой мухи, но, когда он, устав от безуспешных попыток приобнять меня за талию, предложил мне сесть к нему на плечи, я даже преисполнилась благодарности. Ноги действительно устали, и с высоты Костиных плеч было гораздо лучше видно сцену.

После концерта самое сложное было – переждать, пока схлынет поток толпы. Люди толкались, пихались, рвались на воздух. Казалось, что стены старенького ДК шатаются. Я где-то потеряла свой браслет из кусочка цепи.

Костик серьезно и сосредоточенно следовал за мной к выходу, крепко обхватив меня за плечи.

– Ты чего это... – сделала попытку высвободиться я.

– Ничего. Не дергайся. Затопчут на фиг.

Я смирилась, ведь вдвоем и в самом деле было ловчее выбираться из этого людского месива. Было столь тесно, что Костино дыхание, казалось, грело мои волосы жарче фена. Струйки пота текли у меня по вискам и по крыльям носа. Это начало напоминать филиал ада, но мы внезапно оказались на улице, и я наконец-то смогла выдохнуть.

– Пожалуй, дальше я сама могу идти, – высвободилась я из крепких лап, по хозяйски обвивающих мои плечи.

Тут же стало прохладно, а мгновение спустя, совсем холодно. Стоял теплый, очень теплый апрель, но солнце уже село, и поэтому мне было весьма зябко в тонкой майке. Накинутая сверху косуха из жёсткого дерматина моментально приняла температуру воздуха, то есть несколько не грела, а наоборот, холодила. Меня пробрала дрожь.

– Ну как тебе концерт? – прищурился Костян.

– Спасибо, вот большое тебе человеческое спасибо, – отозвалась я и чихнула.

– Ты смотри, не заболей. А классно поет этот Пикник, слушай, у тебя есть их кассеты? – тараторил Костик. – И ты чего, ну куда ты домой собралась, ты продрогнешь пока дойдешь, эх, и я в одной футболке.

– Слушай! – сделал он паузу. – Я знаю, куда можно пойти, там тепло и я тебе смогу найти какую-нибудь толстовку. Хоть до дома дойдешь без этого стука зубов.

Меня неожиданно тронуло участие едва знакомого парня к моей скромной и странной персоне.

– Ну... А долго идти? – неуверенно спросила я. – И надолго я не могу, у меня...

– Да нет, недолго, тут два шага. Погреемся, одежду дам тебе и домой провожу. Расскажешь про пикника мне этого. Какой это там стиль, гранж или чего...

– Да нет, Кость, гранж – это Нирвана, а Пикник это совсем другое, – принялась я увлеченно рассказывать, но вдруг осеклась, поняв, что меня слушают в пол-уха. – Кость... А куда идем-то?

– Тут у нас ну типа база. Точнее, это Петькин новый гараж. Отец его купил полгода назад, ну, бабки вложил, а сам им не пользуется. Ну и разрешил Петьке там устроить себе берлогу. Но ты не думай, у нас там все прилично. Петька там мопед держит, и Рыжий тоже, ну мы собираемся, музыку слушаем, отдыхаем. Сейчас там все равно нет никого. А ключ у меня есть, ты не думай, взлома никакого не будет. Главное что в том гараже и чайник есть с чаем, и одежда какая-то быть должна.

– Слушай, спасибо тебе еще раз, конечно, но, может, я лучше до дома добегу? – не червь, а какая-то амеба сомнения вдруг стала скрести меня изнутри. Черте что: чужие гаражи, сомнительные люди...

– Иннааа... Ну, мы почти пришли. Вот.

Порадовало меня то, что гараж стоял не на отшибе, железные его двери смотрели на ярко освещенный двор, по которому неторопливо прогуливались запоздалые мамочки с колясками и утомленного вида собачники.

И внутри этой «базы» было весьма уютно. Лампа под потолком бросала зеленоватые отблески на чисто подметенный пол, на топчан, у дальней стены, прикрытый полосатым покрывалом, на спицы мопеда, приткнувшегося у входа.

Еще там имелся низкий столик с чайником и непонятной банкой, старый комод, стеллаж с коробками, к топчану сбоку прислонилась потрепанного вида гитара без струн.

– Да садись ты, столбом не стой, – суегился Костик. – Чистое покрывало-то.

Я села на краешек, сцепив руки на скрещенных коленках.

Костя развел суету – включил неясно откуда взявшийся обогреватель, выудил из комода две кружки, а из-под топчана – бутылку, как оказалось, с вином.

– Давай, это же не пиво, это вкусная штука, за такой концерт неплохо ж и выпить, да?

– Ты думаешь, стоит? – усомнилась я и все же отхлебнула темно-вишневую гадость.

Гадость, но она хотя бы грела. Костя рылся в стопке кассет.

– Пикника, конечно, у нас нету, но вот – есть Скорпионс. Сойдет? Для фона?

– Да включай, – махнула я рукой. В конце концов, отогреюсь и домой пойду. А он не такой уж и мерзкий тип, оказывается...

Мысль я не додумала, и молча приняла из рук парня кружку с новой порцией вина. От тепла и мелодичной музыки меня разморило, и я прилегла на топчан. Костя курил, и клубы дыма плавали в воздухе, напоминая те спецэффекты, что мы видели на концерте. Дым ел глаза, я сомкнула ресницы, и не заметила, как провалилась в сон.

Проснувшись же я от того, что мои голые плечи обо что-то нещадно терлись, спину царапало нечто шерстяное и колючее, во рту было отвратительно сухо. На лицо упали волосы, и я не сразу поняла спросонья, что лежу на давешнем топчане совершенно голая, а на мне лежит Костик в таком же виде, и водит языком по моей шее, сжимая грудь одной рукой, а другую руку опустил куда-то вниз.

– Ты чего, пусти, – дернулась я.

– Инночка, детка, хватит ломаться. И ты, и я прекрасно знаем, зачем девочки ходят в гараж к мальчикам.

Он провел языком по моему соску, и тот предательски заторчал. Мне стало безумно страшно, когда я поняла, что не могу вылезти. Костик, худой и жилистый, оказался весьма

сильным и ухватистым, и у меня не получалось просто сбросить его с себя. Он развел мне ноги коленом, закинул мои руки далеко за голову и прижал их за запястья.

Так странно было ощущать себя – точно лягушка, распластанная для опытов. А еще снова стало жарко. И липко. И странным же казалось ощущение посторонней кожи на моей коже. Я слышала биение его сердца, пульсацию вен на его шее. Его дыхание пахло давленными ягодами. Мое тело было так напряжено в попытке вырваться, что я не поняла, в какой именно момент наших барахтаний вторая рука Кости сделала что хотела. А она, рука, все это время, оказывалась, занималась тем, что подготавливала место для дальнейшего – раздвигала и разглаживала складки и складочки внизу, в самой сокровенной точке моего тела. Затем направляла свой... член? Пенис? Фаллос? Половой орган? (Боже, как это называть—то?!) – чтобы он попал точно в цель. Попал, уперся в преграду, поерзал, короткими толчками продвигаясь вперед, по одному ему, да еще матушке природе известному пути. Секунда – и тупая противная боль, и какое-то мокрое скольжение потом, и ощущение, что сдвинулись некие мускулы внутри моего тела, и неиспытанные доселе теплые то ли волны, то ли токи где-то в недрах живота. А потом Костя непонятно дернулся, теплое и мокрое, безымянное выскользнуло из меня и животу стало горячо и тоже мокро. Костик тяжело дышал, уткнувшись носом мне в шею, короткими поцелуями клевал в ухо и почему-то в плечо, и бормотал неразборчиво, радостно, удивлённо...

Я с удивлением поняла, что из глаз моих катятся крупные слезы, смачивая спутанные волосы, затекая куда-то за затылок. Зла не было. Ужаса, истерии тоже. Я не помню, что Костя говорил мне в этот день. Вроде утешал, по-хозяйски заваривал мне чай, помогал одеться. Пошел меня провожать. С полдороги я вырвалась из сонного оцепенения и побежала к родному подъезду. Закрывшись в квартире на два замка и щеколду, долго мылась в ванной, плакала, сгорбившись под струями душа, терла кожу мочалкой до царапин.

Через пару дней все повторилось. Еще через неделю их было уже трое. Меня никто открыто не принуждал ходить с ними в тот гараж и делать все эти ужасные вещи. Пара туманных намеков на анонимный звонок на работу матери по поводу дочери – новоиспеченной шлюхи, парализовали меня сильнее любых прочих угроз. Я механически делала то, о чем меня просили, представляя в уме свое тело не своим, а заимствованным, словно в фантастических романах об инопланетных подселенцах. По вечерам мне хотелось тихо сдохнуть от любой неведомой и неизлечимой болезни, только бы это прекратилось.

А еще через месяц от меня отстали.

Эта история не выплыла наружу. Видимо, мальчики понимали, что, так как они поступали, поступать было как бы нехорошо. В итоге я молчала. Молчали и они. Для окружающих я оставалась такой же, как и была. Шел к концу 9 класс, я усиленно готовилась к экзаменам и в итоге сдала их блестяще. Я все так же бегала на заседания редколлегии в газету. Из нового – я лишь стала подводить глаза и красить ресницы, словно пытаюсь за плотным макияжем спрятать то, что казалось, теперь жило в моих взглядах. Ужас? Отвращение? Обреченность?

Я не знаю, каких усилий мне стоило оставить все в тайне. Видимо, помогло то, что мать работала на двух работах и редко бывала дома, а дед с бабушкой до сих пор видели во мне ребенка. Видимо, сыграло роль, что я не стала резать себе вены, прогуливать школу и впадать во все тяжкие, как это сделал бы любой нормальный подросток на моем месте. Единственное, сорвала со стены постер с группой «Пикник» и никогда, никогда больше не слушала их записи.

Лето моего пятнадцатилетия выдалось жарким и сухим. Иногда проносились недолгие грозы совсем без дождей. Налетал ветер, сгоняя лиловые тучи к краю горизонта, стремительно и торжественно. Дневной свет тускнел, душный воздух уплотнялся. Вспотевшие виски начи-

нали нудно ныть, предвещая скорый приступ мигрени. Я почти не выходила из квартиры под надуманным предлогом усиленного изучения английского и неважного самочувствия. Мать пропадала на даче.

Я включала «The Doors», сведённую с копии лицензионного альбома запись не лучшего качества. Посторонние шорохи на затёртой плёнке входили в дивный унисон с шелестом кленовых листьев на улице, с тысячей звуков и шепотов, которые создавали порывы ветра. Пыль, мелкий мусор и камушки неслись по опустевшей улице, заканчивающейся малым железнодорожным переездом. Светлая громада маслоэкстракционного завода, видневшаяся за стволами деревьев, неумолимо меняла цвет в сгущающемся перед грозой воздухе. Я открывала нараспашку окно в своей комнате. Вымазанный многими слоями краски шпингалет больно прищемлял указательный палец. Стёкла постанывали в деревянных облупившихся рамах. Пахло пылью и жареными семечками подсолнечника.

Я подставляла лицо горячему ветру и закрывала глаза. На столе пылилась стопка много раз перечитанных книг. «Черный обелиск» Ремарка, «Хоббит» Толкиена на английском языке, «Девять принцев Амбера» Желязны. Любимые, милые сердцу проводники из скучной действительности! Но читать не хотелось, словно всё стоящее на свете было читано и усвоено, прожито еще сотни жизней назад.

Звук громовых раскатов обрушивался, даря прохладу лбу, покрытому испариной. Воздух наполнялся запахом озона. Забравшись на подоконник, я чертила пальцами по запыленному стеклу ромбы и треугольники, вырисовывала солнышки и облачка. Пряди распущенных влажных волос пахли полынью, железом, землей. Щурясь, я вглядывалась в скопление грозовых облаков, сочетавшее в себе, кажется, весь спектр цветов от темно-синего до перламутрово-розового. Ни один предмет. Ни один уголок этого притихшего перед разгулом стихии мира не был определенного чистого цвета. Смешение оттенков, игра палитры, сюрреалистическое полотно, написанное жизнью, летней духотой и играми воспалённого рассудка.

А потом вспышка молнии наполняла пространство пронзительным зеленовато-белым, ослепительным светом, и я вздрагивала всем телом, но не уходила вглубь комнаты, и не закрывала окна.

Тем летом мне было лениво мечтать. Поступление в институт, большие города – это всё было таким ещё пока далёким и несбыточным. Какую профессию избрать, я почти не задумывалась. Учитель литературы, филолог, переводчик... Гуманитарий по натуре, я тянулась к машинописному тексту как тянутся к прохладной воде в жару. Но пока времени на планирование взрослой жизни было больше, чем достаточно, и поэтому мои мечты становились коротенькими и простенькими... Не об утраченной же девственности мечтать! И я грезилась лишь о новых джинсах, о полном собрании альбомов Наутилусов, о поездке на рок-фестиваль, да о собственном фотоаппарате.

Но в самый разгар летней грозы, я внезапно осознала, что никакая фотография не способна отразить всё богатство оттенков неба, подобного этому.

Я схватила за кисти и палетку засохшей акварели. Намочила лист чистой водой и принялась смешивать краски прямо на бумаге. Пигменты текли и смазывались в непонятной мне закономерности. Подмалёвок постепенно обретал некое подобие бушующего грозового неба.

Лист бумаги стремительно сох в духоте комнат. Тонкой кистью я попыталась изобразить забор, стену завода, рельсы с замершим на них грузовым составом. Но линии путались, мазались, кривились, насмехаясь надо мной – неумехой, необученной и жалкой.

Я пожала плечами и принялась раздумывать над тем, кому из людей впервые пришла в голову мысль отобразить видимое вокруг себя на холсте. Или сначала были скалы, поверхность земли, широкие листья деревьев, глиняные таблички?

А еще я думала о том, что есть истинное искусство, и где та грань, то предел, за которым ребяческая мазня становится мировым шедевром?

Посмотрев на кривенькие линии, я сморщила нос и приняла решение прогуляться на досуге до художественной школы и поговорить с учителем моей одноклассницы о перспективе и цветовой гамме.

Мир постепенно обретал форму, выплывал из серого хмурого облака. Учитель, коротавший летние каникулы в двухэтажном кирпичной здании художественной школы, был мне рад. Я забегала почти каждый день, и мне с чувством, толком и расстановкой объясняли смысл перспективы, её виды. Я поняла разницу между своими лубочными пейзажиками и Искусством, заставляющим людей смотреть на картины глазами художника. Со мной поделились книгами по живописи и рисунку, научили подготавливать холст к работе, показали, как правильно отчищать кисти, растолковали, как выбрать материалы для работы. Я с упоением рисовала всё свободное время, пробуя разные материалы и инструменты. Кисти, мастихин (это такой специальный нож), мотки шерстяных ниток, губка, собственные пальцы... Акварель, гуашь, скверно пахнущее масло, пастелевые мелки...

По городу я ходила как во сне, вглядываясь в мельчайшие трещинки на асфальте, создающие непередаваемые сочетания ломаных линий. Я смотрела, как играет солнце в кленовой листве. Подмечала малейшие оттенки закатного неба. Удивлялась, как причудливо слоится штукатурка на стенах старинных домов. Следила, как хаотично нарастает изумрудный мох вдоль железного желоба водопроводной колонки.

Наверное, впервые жизнь не казалась мне скучной.

С людьми же было общаться, как и прежде, нелегко, но я научилась притворяться. Постепенно завязались приятельские отношения со старшими ребятами, оккупировавшими двор вечерами с гитарами и лёгким смехом. Они чувствовали во мне некое родство, называли себя металлистами и до первых петухов репетировали в маленьком – два с половиной метра на три гараже. Я была им признательна за то, что они считали меня своей и взяли под свою опеку. Доморощенные неформалы, сильные и жесткие, но нежные и романтичные в душе, ребята гордились дружбой со мной, правильной домашней девочкой. Расскажи я новым приятелям о беде, постигшей меня, моя поруганная невинность вмиг была бы отомщена, но как было стыдно признаваться в своем падении! И я просто наслаждалась общением, весьма своеобразным, обсуждала с ребятами прочитанные книги, вежливо отказывалась от любого алкоголя, иногда рисовала кому-нибудь эскизы татуировок, и даже под настроение делала наброски. Эти листочки, вырванные из альбома, до сих пор со мной. Вот Славка с гитарой, лохматые волосы, крупный подбородок, красивые задумчивые глаза. Вот Фима – крупный, кудрявый, с сочными губами и огромными кулачищами. Вот Валерка, веснушчатый, рыжий, в напульсниках ACDC.

Жизнь вошла в колею. Тем не менее, некий шлейф грусти тянулся за мной, куда бы я не шла. Он стал частью моего образа. Я словно привыкла прятать в глубине мыслей и за черными стрелками на верхних веках свою непохожесть на сверстников.

Что же до моих обидчиков... Один поступил в местное ПТУ, двое уехали из города, а третий через пару лет утонул в реке. Узнав об этом, я не испытала ни радости, ни сожаления, только щемящее чувство, что мир пришел в движение, а я остаюсь на месте, и от этого стало немного не по себе.

Глава 2

*Итак, шестнадцать тридцать семь.
Бог останавливает время.
Он спускается с небес,
в карманах прячет чудеса.
Он говорит, что я могу передать письмо тебе,
с белым парусом, который возвращается
на много—много—много лет назад...
Високосный год.*

Солнце всплывает в кроны порыжевших клёнов, ослепительно вспыхивая на куполе монастыря.

Я сижу у тебя на коленях, в нас плещется примерно полтора литра коньяка на двоих. Мне уже час как пора домой. Но не хочется, и, если бы не Катька, я, наверное, могла выдумать еще тысячу предлогов, лишь бы отсрочить возвращение в быт, в серость, в безденежье, в тупое созерцание Сашкиной спины перед компьютером.

Ты целуешь меня, я закрываю глаза. Мне хочется петь. Чувствую себя удивительно юной, легкой и воздушной. То ли это контраст – твои сорок один и мои двадцать пять. Словно и не было в моей жизни замужества, родов, рутины, тяжелой и неинтересной работы, долгов за квартиру.

Эта весна отзывалась во мне острой, какой-то болезненной влюбленностью, влюбленностью почти булгаковской, хоть и отдающей в итоге Достоевщиной.

Ты так часто спрашиваешь, что я в тебе нашла, чем же ты меня заслужил, что мне становится неловко. В конце концов, разве имеет значение, почему мы теперь вроде как вместе.

Измена. Это слово противного грязно-голубого цвета. В детстве я видела все слова, числа и буквы окрашенными в различные оттенки, и очень была удивлена, узнав, что у других это не так. У тебя оказалось «так». Неожиданно и странно. И весьма замечательно. Но цвет ненавистного слова от этого не становился более приятным на вид.

А ты знаешь, что слово «любовь» не имеет постоянного цвета, а переливается от бледно-серебристого до темно-фиолетового? А что слово «боль» подобно электрической вспышке? А слово «разлука» – черно, как погасшие угли?

Моя семейная жизнь дала трещину. Банально, досадно, да что уж теперь, раз так оно вышло.

Случается при работе с акриловыми красками добавить чуть больше воды, чем требуется, чтобы добиться прозрачности слоя. При высыхании такое покрытие трескается и отваливается с холста слоями. И тут уже ничего не спасёт – ни тщательно подготовленная и загрунтованная поверхность, ни высокая цена собственно, самой краски, ни талант художника.

Наши отношения с мужем, которыми я безмерно гордилась как в первую очередь дружескими, нежели любовными, повисли точно линялые тряпки вскоре после рождения Катьки. Сначала Сашка потерял работу и долго не мог устроиться на новую. Пару раз нарывался на обман со стороны работодателей, и тогда по вечерам было горько. Он едва не плакал, опустив свою большую голову мне в подол, я машинально трепала его по тёмным вихрам, из груди сочилось молоко, а в голове отчаянно пульсировала мысль – где бы добыть денег. Денег за квартиру, денег на памперсы, денег положить на счёт телефона, чтобы позвонить маме. Краски и кисти, любимое хобби, отдушина, были заброшены мной не то что в долгий ящик, а плотно уложены в коробку из-под обуви и задвинуты ногой под кровать – в буквальном смысле этого слова.

Я честно пыталась помочь Сашке найти работу, помогала составлять резюме, подсказывала, куда лучше поехать на собеседование в первую очередь. Он покорно брился, начищал до блеска ботинки, отправлялся в путь, захватив с собой положенный пакет документов.

После третьей неудачи растерянно произнёс:

– Но я же всё сделал, говорил, как ты велела... А почему же ничего не выходит?

Я опешила. Я не привыкла кому-либо «велеть». Наоборот, еще до свадьбы, Сашка брал на себя все решения, связанные с повседневными проблемами, и я привыкла ему верить и полагаться на его суждения. А тут мы словно резко поменялись ролями. И я была совсем не в восторге от такой перемены.

Одна Катька радовала – веселый солнечный ребенок, вся в кудряшках, так славно пахнущая, прилежно растящая зубы и осваивающая постепенно всю детскую нехитрую науку – переворачиваться, ползать, вставать на крепенькие ножки, гулить, лепетать, болтать. К году она побежала, и кудряшки ее собрались в маленькую толстую косичку. Ближе к двум заговорила полными предложениями, научилась включать компьютер и засыпать без соски.

К тому времени мои достижения свелись к тому, я ухитрялась приготовить обед из трех блюд, имея в распоряжении четверть курицы и вилок капусты. Еще я научилась до последней копейки торговаться на рынке, а все мои джинсы изрядно поизносились.

Устав от бесконечного дня сурка, я внезапно взбунтовалась и поступила на заочное отделение в местный техникум, осваивать профессию юриста, дабы взбодрить утомившиеся мозги.

И на первой сессии же встретила тебя. Забавно, правда? Вот почему человеку никогда не ясно с первой минуты, во что выливаются случайные встречи? Или так и суждено им остаться ничем, либо внезапно вся жизнь меняется с ног на голову.

Нет, это не была любовь с первого взгляда. И даже не со второго. Наша группа сложилась весьма разномастной – ребята из правоохранительных органов, получающие диплом ради новых звездочек на погонах, скушающие домохозяйки, студенты-очники, отчисленные с дневного отделения за неуспеваемость, и даже несколько рабочих с местного завода. Ну и я – ни то, ни се. И ты. Ты среди нас был самым старшим. Я никогда не отличалась способностью угадывать возраст, и сперва решила, что тебе лет 35—37. По сравнению с моими развесёлыми двадцатью четырьмя это, вкупе с резкими трещинками морщинок у глаз, казалось началом дряхлости. Постепенно выяснилось, что тебе уже 41 год, ты ветеран то ли афганской, то ли чеченской войны, и учишься у нас как льготник. Узнав эту информацию, я пожала плечами, и углубилась в постижение норм законов и статей Конституции.

Для меня эта учеба стала попыткой получить хоть какое-то законченное образование, а также передышкой от домашней рутины и неинтересной работы в детском саду, куда я устроилась нянечкой, чтобы добыть Катьке место в ясельной группе. Возможно, я хотела ухватить за хвост резво убегающую юность, вновь ощутить себя студенткой, беззаботной и смешливой.

Неожиданно меня назначили старостой группы, и мне добавилось хлопот, связанных с организационным процессом учебы. Впрочем, я не унывала, справедливо рассудив, что опыт любой деятельности будет весьма полезен в будущем. Благополучно переползли через первую сессию. Моего Сашку столь же благополучно выперли еще с двух работ. У меня стала заканчиваться косметика, да и нервы. Прошел почти год.

По утрам я, отчаянно зевая, тащила сонную Катьку в детский сад. Оставив ее в группе, я брела переодеваться, повязывала белую косынку, надевала хрустящий от крахмала халат и шла раздавать завтрак. Потом помогала одеть детей на прогулку, всовывала наушники в уши и шла дальше – мыть, драить, чистить, убирать, перестилать постели, проветривать. Руки постоянно шелушились от резиновых перчаток и моющих средств. О приближающей сессии я мечтала как о манне небесной, тем более подворачивалась возможность подзаработать написанием контрольных и курсовых работ для сокурсников, занятых по горло, и мечтающих о полноценном сне, а никак не об учебе.

Однажды, возвратившись домой чуть раньше, вытряхнув Катку из куртки и вымыв ей чумазные ладошки, я пошла на кухню, тронула чайник и задумалась. Он был естественно теплым. Сашка должен был быть на работе, но, вероятно, он тоже освободился пораньше, а сейчас, видимо, вышел в магазин.

Но вот ключ поворачивается в замке, входит, уставший, с трехдневной щетиной.

– Привет! – долго и тщательно пристраивает ботинки на обувной полке, вешает куртку и сумку – на соседний крючок, непременно справа, перевешивая Каткины одежды.

– Ты пораньше сегодня? Ты ел? – хлопаю дверкой холодильника, – Я принесла из сада запеканку, поужинай.

– Да я только приехал, Инн. Пробки еще...

Круто поворачиваюсь и в упор разглядываю законного супруга.

– То есть как? Прихожу, чайник теплый, и чашка у компа, кстати, стоит. А утром я ее споласкивала и убирала, а ушла я позже тебя.

В голову ударило темное, почти животное бешенство.

– Саш, ты что, опять без работы, и мне не говоришь? И притворяешься, что едешь работать, а сам тут играешься, да?

Опускаюсь на табуретку, смахиваю злые слезы.

– Ты же мне сказал, что все нормально у тебя с работой. И я в учебный отпуск завтра ухожу. Ой, Саш, а как мы без денег-то опять будем?! Он же не оплачивается у меня, а тебе говорила, потому что кому юрист в садике-то детском нужен?

Сашка отворачивается и молча начинает делать себе кофе.

– Саш, ну почему ты молчишь, я ж вопрос тебе задала.

– А чего отвечать? Кудахчешь как курица. И, кстати, тебя никто учиться и не гнал.

– Значит, три курса института для меня самое то, по твоему мнению? – задыхаюсь от досады.

– А на хрена тебе диплом? Чтоб лежал? Что, горшки мыть уже без диплома никак?

Бешенство накрывает меня плотно, будто душное пальто.

– А с чего ты решил, что я пошла мыть, извини, горшки, потому, что не берут никуда больше?

– А что, берут? – равнодушно отхлебываешь из кружки. – Очередь выстроилась?

– Ты совсем, что ли? Место Катке в саду никто не приготовил, мы, если ты забыл, тут приезжие! Мне надо год отпахать, понимаешь, год, чтоб оно закрепилось за ребенком.

– Ну, хватит кудахтать.

– Да ты зачем так со мной разговариваешь? По какому праву-то?

– А чего ты все об одном и том же талдычишь. Нашел я работу. Неделю искал, ездил. Вот в понедельник уже надо выходить, стажироваться.

– Так значит, ты уже неделю так мне... Врешь?! Знаешь, Саш... Если ты не умеешь ни зарабатывать деньги, ни занимать их, в конце – концов, имей совесть хотя бы не нападать на меня, ни за что, ни про что, и не ври, ну не ври ты мне. Я и так не могу уже тебе доверять, ты мне чуть дочь не угробил зимой, я тебя никогда не прощу, слышишь? Кстати, если б ты меня послушал, тогда, на горке, то и в сад я вышла бы раньше на месяц работать, и не было бы у Катки сотрясения мозга, и все, все было бы у нас хорошо... А ты... Ты сам все испортил.

Рыдаю, прижав к лицу кухонное полотенце, замызганное и жалкое, как и я сама, как весь этот бесполезный серый день. Неужели я способна так орать? Откуда только взялся этот тон, эти жалкие плоские словечки?

– Дура! – в сердцах бросает мне муж и уходит курить на балкон, хлопаю дверью.

Беру себя в руки, плещу в лицо водой из-под кухонного крана и отправляюсь к дочке – помогаю ей вырезать из цветной бумаги кривоватые цветики. Дружно клеим их на бархатную бумагу. Катка сопит, довольная и такая славная, а в голове начинает биться мысль: «Это того

стоило – гибель карьеры, безденежье, неразбериха – зато у меня есть свой теплый маленький человечек. Надо только чуть-чуть потерпеть, совсем немного... И она подрастет, и я выйду на другую работу, и все у нас станет по-прежнему складно и уютно».

Съемная квартира. Пыльные бежевые шторы, невнятного цвета обои, двуспальная кровать на полкомнаты. На облупившемся подоконнике семейство разнокалиберных кактусов, зеркало в кованой тяжелой раме в прихожей. Каткина кровать под розовым покрывалом в желтых медведях. Игрушки всех цветов и мастей повсюду – на ковролине, на креслах, на полках руины замка из «Лего». Кукла, беспомощно задравшая ноги, плюшевая голубая собака с оторванным ухом делят пространство игрушечной коляски.

Надо бы навести порядок, но все равно это ненадолго. Ограничиваюсь тем, что собираю игрушки в большой пластиковый ящик, мимоходом стираю пыль с полок и дверцы шкафа.

Сашка сел перед компьютером, явив мне свою непримиримую спину, и на мониторе уже привычно возникла имитация руля и кабины грузовика. За нарисованным лобовым стеклом простиралась нарисованная же мексиканская прерия с кактусами.

Начинался бесцветный апрельский дождь.

Дождь шел и утром, когда я отвозила Катку в сад, не прекращался он и когда я, перепрыгивая лужи, торопилась в колледж. Серо и холодно было в аудитории, где собралось всего-то человек восемь из списочных сорока. Хорошее начало сессии, ничего не скажешь. Я немного приободрилась, получив два заказа на курсовые по трудовому и гражданскому праву. Ведь это значило, что мне, во-первых, будет не так тяжело в материальном плане, и не так пусто по вечерам в плане моральном. Заодно появится весомый повод отогнать Сашку от компа, ибо муж мой, видимо спасается от реального мира в виртуальном. Между тем нам вот-вот нечего будет есть.

Ты опоздал, заявившись только ко второй паре. Я была рада, что нашего полку прибыло, потому что за посещаемость спрашивали все-таки с меня, как со старосты. Коротко переговорив с тобой по поводу взносов на цветочки и конфеты на экзамены, я погрузилась было в мысли о своём, но ты неожиданно попросил помочь и тебе с курсовыми, так как «работа и ну совсем нет времени и печатать негде».

– Хорошо, Лёш, я тебя поняла. Давай задания-то. Думаю, за неделю точно все сделаю, – глядя в окно, прервала я твой словесный поток. Я, конечно, понимала, что веду себя не совсем вежливо, но разговаривать не хотелось, ни с кем и ни о чём.

– А у меня нет с собой, – растерянно протянул ты.

– Давай тогда в следующий раз, или, хочешь, по дороге домой зайду к тебе, заберу. Ты ж в общежитии живешь? – я производила в уме расчеты, найду ли время в ближайшие дни, чтобы встретиться с тобой и забрать эти несчастные задания, и пришла к выводу, что разгуливать в дождь в полуразбитых кроссовках по городу не имею ни малейшего желания. – Да, если есть такая возможность, то лучше сразу и забрать, и прямо сегодня начать все делать.

– Заходи, – заторопился ты. – Конечно, заходи. Только мне сейчас отойти нужно, а к тому времени как пары закончатся, я уже дома буду.

– Ну, я позвоню тогда, как буду подходить, – отозвалась я, и, покопавшись в памяти, добавила, – А как жена твоя, не удивится, что к тебе старосты ходят.

– А я один сейчас. Кончилась жизнь семейная, – вяло усмехнулся ты.

Вот понимаешь, я до сих пор не могу уяснить для себя, если бы я знала, чем оно обернется в дальнейшем, не бежала ли бы тогда прочь по залитой дождем дороге и от колледжа, и от пятиэтажного общежитского корпуса, вдоль монастырской беленой стены, мимо воркующих голубиных стаяк, со всех ног?

Но нет ответа на этот вопрос. И неясно, какая странная химия приключилась в час, когда мы с тобой, выпив по паре стаканов пива (а ведь ты обещал мне всего лишь кофе, разве не так?),

слушали музыку по рок fm, пытались играть в какую—то глупую карточную игру, а я неожиданно вывалила тебе все, что происходит у меня в жизни и на душе.

И про брошенный университет, потому что работа в ночь в суши-баре и должность администратора не оставляла ни сил, ни времени для учебы на очном отделении. И про первую любовь, такую быстротечную и так неожиданно покинувшую меня. И о том, как я хочу рисовать, но нет ни времени, ни вдохновения. А еще как мутно мне от того, что мой любимый муж начал чудить после того, как слетел вместе с дочкой в снежокате с горки этой зимой, врезавшись в столб. И что я до сих пор иногда, едва закрою глаза, вижу ее личико в крови и слетевший с ножки розовый сапог, такой яркий и маленький на белом снегу. И что я не могу понять, люблю ли еще Сашку или уже нет, равно как не знаю, как теперь жить и чем дышать, и за что браться. Чего я ждала от этих полупьяных откровений? Скорее всего, просто хотела выговориться, довериться человеку, старшему по возрасту, или устала постоянно носить в себе груз мыслей. И так славно звучали старые композиции Металики, Лед Зеппелин, Элиса Купера, что внутри у меня будто что-то согрелось, и словно тренькнула тоненькая струна.

Возможно, я была оглушена эти неожиданным теплом, вниманием с твоей стороны, музыкой, легким алкоголем, что когда ты начал негромко рассказывать о себе я ничуть не удивилась. Не удивилась и тому, что у тебя, оказывается, за плечами погашенная судимость.

– Теперь это 228 статья Уголовного Кодекса, ну или около неё, – устало говорил ты, – Хранение и распространение наркотиков, а в советское время была 224.1 статья УК РСФСР. Хищение наркотических средств. Светило до пяти лет зоны, представляешь себе! Дурак был, ой, дурак... Но я не сидел, девочка, ты не думай слишком уж плохо обо мне. Следствие шло больше двух лет, прокурор просил четыре года строгого режима, судья понимающая попалась. Дала три, да и то условно. На первый раз, вроде как. Мне всего-то 21 год в тут пору исполнился, полгода как из армии вернулся. А тут гласность, перестройка, свобода слова... Мы теряли невинность в боях за любовь, и той свободы хлебнуть пришлось, да столько, что затошнило потом от неё...

Пиво пьется легко, будто вода, и столь же легко течет твой рассказ.

Оказывается, в трёх разных городах три женщины воспитывают твоих детей, и ни одна из них больше не приходится тебе женой.

А ещё в середине девяностых ты, устав от серости и бесперспективности, почти оглушенный дешёвым героином, партии которого свободно текли сквозь твой город, внезапно плюнул на всё, и завербовался по контракту в Чечню...

– Но только с этой дрянью покончено, уже 15 лет почти как, – заглядываешь мне в глаза, словно пытаюсь понять, слушаю ли я тебя, верю ли.

Но только мысли мои свободно блуждают, не акцентируясь ни на одной из тем. Твоя манера говорить не похожа ни на что, слышимое мной ранее.

Твоя речь изобилует штампами, но эти штампы неожиданно уютны и приятны уху. Утешает всегда самое простое, не правда ли? Так простейшая мелодия способна успокоить разгорячённый ум в те моменты, когда все шедевры мировой классики остаются бессильны перед человеческим отчаянием.

Минувшие года три дались мне нелегко. Типичное порождение поколения инфантильных людей, остающихся подростками и в двадцать, и в двадцать пять, отчаянно не желающее взрослеть – вот кем я себя ощущала. Тем сложнее было жить в статусе жены и мамы. С тобой в этот час, в эти плавные мгновения, я не чувствовала необходимости быть ответственной за что-то, куда-то бежать, что-то делать. Просто ты говорил, а я слушала, затем ты слушал, а я говорила. Так просто. Так удивительно. Почти забытое переживание. Осознание что тебя понимают.

Апрельские сумерки наполняют комнату сиреневой мглой. Вымокшие под дождем волосы потихоньку сохнут, завиваясь в колечки. Очертания кровати, стола, громоздкого

шкафа словно скругляются в полутьме, размываются, переставая отбрасывать тень, кажутся ненастоящими. Твои светлые парусиновые штаны измяты, темные волосы торчат надо лбом, белки глаз поблескивают, движения спокойные и плавные.

Мне внезапно хочется нарисовать твой профиль среди предметов, лишенных тени.

В форточку тянет запахом мокрого газона, городского дождя. Легкий поток воздуха, не ветер, а лишь намёк на него, слегка колышет белую занавеску.

Мне давно пора домой. В детский сад за дочкой я катастрофически не успеваю. Посылаю короткое сообщение мужу «Забери Катьку, у меня дела», получаю в ответ лаконичное «Ок.»

Мне, ребенку, появившемуся на свет в разгар перестройки и Советский Союз, и чеченский конфликт виделись только страницами истории. Но моя ли вина в том, что наши даты рождения лежали друг от друга в плоскости разных десятилетий?

Интересно. Вот слово, которое, пожалуй, отражает мое настроение в тот день. Впервые за долгое время мне стало интересным еще что-то, помимо собственного житья-бытья. Я едва выбралась из вакуума декретного отпуска и отчаянно жаждала общения с людьми.

Интересно... На исходе четвертого литра пива мне стало вдруг безумно интересно, что будет, если ты меня поцелуешь. Я и удивилась, и смутилась этой мыслью. И когда наши губы встретились, я поразились, как просто все вышло. Вроде только что сидели и разговаривали, а тут уже ты целуешь меня, наши языки танцуют в первобытном ритуале, твои пальцы порхают по моей спине, и вот уже мы лежим, а вот перекатываемся друг на друга, и твое дыхание пахнет хмелем.

Уже вечерет, и стены комнаты мягко кружатся под действием алкоголя и какой-то странной, необъяснимой радости.

Но вот ты стягиваешь с меня брюки, и меня мутной водой окатывает реальность.

– Не надо, ты что, давай не будем, – бормочу, отворачиваясь от целующих губ и настойчивых пальцев.

Ты знаешь, мне кажется, мало что сравнится по степени незащитности с двумя нетрезвыми малознакомыми людьми, сбросившими одежду и решившими заняться сексом, но внезапно передумавшими.

В сгустившихся сумерках допили пиво, нестройно пели хором, что-то торопливо рассказывали друг другу, все так же, полуодетые. Постепенно стемнело так, что не было видно ничего, и очертания наших фигур скорее угадывались в этой темноте.

А потом ты вызвал мне такси и я уехала в дождь, в вечер, домой.

На нетвердых ногах, бесконечно усталая, поднялась на третий этаж. Дома тихо. Катька спит, прижав к себе мягкого лупоглазого зайца. Сашка водит бесконечные компьютерные грузовики. На кухне горит свет, закипает чайник. На столе лежат два вялых мандарина – остатки полдника из детского сада. Задумчиво чищу один, кислый сок наполняет рот.

– Почему ты не спросишь, где я была? – спрашиваю у Сашкиной спины

– Ну, была и была, значит, надо тебе было. Пиво пили с сокурсниками? – не отрываясь от виртуального руля, спокойно отвечает муж.

Желудок внезапно сжимается – то ли от кислого мандарина, то ли от отвращения к самой себе. Опрометью несусь в ванную, и меня неукротимо рвет. То ли от пива, выпитого на голодный желудок, то ли от того, как ненавистно мне это все – рутина, безденежье, еда из детского сада в прозрачных лотках, Сашкино безразличие.

Долго сижу в душе. А когда выхожу, Сашка уже погасил свет и улегся. Тихо скольжу под одеяло. Тут меня снова накрывает. Да как же так: я провела полдня невесть где, напилась как алкаш, меня, на минуточку, лапал чужой взрослый мужик, лапал, засовывал язык мне в рот, терся об меня своим членом, а тут, видите ли, все нормально. Можно поиграть, да лечь спать. Со злостью поворачиваюсь к Сашке, вдыхаю побольше воздуха, чтобы высказаться, но натываюсь на неспящий внимательный взгляд. Секунда – поцелуй накрывает нас свое неизбежно-

стью. Губы такие родные, такие теплые. Такие сильные и нежные пальцы, знающие мои тело до каждой впадинки, до малейшей царапинки. Со всхлипом, с невозможностью больше терпеть позволяю ему войти в себя. Грубое животное наслаждение хлещет и струится тропическим ливнем, ослепительной вспышкой приходит оргазм, в сладкой истоме снова притягиваю мужа к себе. Слезы непроизвольно льются из глаз, рот кривится в странной гримасе, задаю темп, чувствуя свою бесконечную власть над этим телом, распластанным под моим и неожиданно снова кончаю. Обессилено падаю, мои волосы опутывают нас как сеть, моя ночная сорочка и обе подушки валяются где-то на полу, и мне до боли за грудиной, до обморока хочется все исправить, стереть из памяти и из жизни сегодняшний вечер.

Глава 3

*И, если, не брать во внимание
Пьянство и наркоманию,
Царили б в мире гармония и красота,
Если не брать во внимание
Грех прелюбодеяния,
То были б мы с тобою, как Ромео и Джульетта!
«Крематорий»*

Наутро дождь прекратился. Сашка спросил: «Мы помирились наконец-то?», заваривая утренний кофе. Я ему показала язык: «Даже не думай» и засобиравшись с Катькой на прогулку.

Вчерашний день таял в памяти, оставив после себя смутную досаду на собственные откровения и легкую грусть. Дочка увлеченно копалась в песочнице. Я присела на скамейку, прикидывая дальнейший распорядок дел на сессию, но тут мой телефон буквально взорвался тирадой смс-сообщений.

Первое – от заведующей детским садом с вопросом, смогу ли я все же хоть несколько дней в неделю выходить на работу во время сессии, второе – от соседки-приятельницы, которая интересовалась, почему я вчера не отвечала на ее звонки, а остальные – штук пять или шесть – от тебя.

«Привет, прости за вчерашнее, надеюсь у тебя дома все хорошо». «Девочка, я о тебе все утро думаю, наваждение какое—то». «И прихожу к выводу, что я влюбился в тебя по самые уши, кстати, горящие, ты меня, случайно, не материшь там?». «Давай встретимся». «Приходи ко мне, пожалуйста».

Я крепко задумалась, побарабанила пальцами по корпусу телефона и застрочила ответы. Сначала заверила заведующую, что дни, свободные от экзаменов и зачетов вполне могу уделить работе, потом ответила Нинке-соседке, что вчера была немного занята. Твои же сообщения я перечитала еще несколько раз, решительно не понимая как на них реагировать.

С юности так сложилось, что число моих друзей мужского пола превалировало над количеством подруг. Притом Сашка стал всего лишь вторым человеком, с кем меня связывали долгие отношения, которые в итоге привели к свадьбе и переезду из шумного города на Волге в тихое Подмосковье. Про одинокую буйную юность и досадный инцидент с потерей девственности я старалась просто не думать и в итоге мне стало казаться, что этого и не было никогда, либо было, но не со мной, а с кем-то другим, относительно знакомым, но ко мне не имеющим ни малейшего отношения. В институте я приобрела в друзья множество ребят с машиностроительного факультета. Они были за меня готовы в огонь и воду. Мы вместе провели немало веселых часов в учебе, в походах, в прогулках, в лазании по крышам, а с одним из них мы даже встречались где—то два с половиной года и планировали пожениться. А потом как-то быстро все изменилось. Он уехал, а я погоревала недолго и от скуки стала тесно общаться с Сашкой, коллегой по суши—бару. И глазом не успела моргнуть, как мы уже живем вместе, потом – гуляем по Москве, потом – стоим в ЗАГСЕ и я говорю «Да» на вопрос тетки в тесном старомодном костюме. Дальше воспоминания комкаются, прочно трамбуются в мешанину из бессонных ночей, пеленок, зубов, бумажной волокиты, вспышек скандалов и вереницы бурных ночей примирения.

Сашка старался. На самом деле старался быть хорошим мужем. Но он как будто не знал, что значит по-настоящему нести счастье или проклятие супружества. Саша не стремился сажать деревья, зачинать сына и брать в ипотеку квартиру в новостройке. Тем не менее, узнав о моей беременности, был крайне счастлив. Носил мне мандарины вязанками, выбирал коляску и кроватку для новорожденной дочки с пылом, сравнимым с выбором нового процес-

сора для любимого компьютера. Вставал по ночам к малышке на каждый писк, пока я однажды не высказала, что толку-то и нет от его вставаний. Ибо Катерина Александровна, четырёх месяцев от роду, просыпалась ночью исключительно от голода. И при всём желании мужа дать мне отдохнуть лишнюю минуту, мне приходилось подниматься следом. Катька до года признавала только грудное молоко в качестве ночных перекусов.

Человеческая память избирательна. Мы можем заставить себя не помнить то, чего не хотим, правда, разной ценой. Дело в том, что, несмотря на то, что я себя считала порядочной девушкой и верной женой, в моей жизни было несколько эпизодов, которые я трусливо предпочитала не припоминать и тем более не вытаскивать наружу. Не смотря на вполне гладкую семейную жизнь, еще до свадьбы с Сашкой, я каждые полгода до икоты влюблялась в кого-нибудь, совершенно платонически и безответно. Влюбившись же, вдохновенно писала акварели на фэнтезийную тему – всяческих драконов и рыцарей. Мечтала по ночам, водя кистью по намоченному листу бумаги, а потом все резко прекращалось. Влюбленность лопалась как мыльный пузырь, и я успокаивалась, до следующего раза. Причем абсолютно не терзала меня совесть. Почему я вышла замуж именно за Сашку? А тут тоже дело вопросов совести и верности, скорее всего. При всей его приземленности и неприятия искусства в любом виде, он казался мне добрым, честным и простым, как уголь, а еще – надежным. У нас не было ни общего прошлого, ни конкретных планов на будущее. Он не лез мне в душу, не учил меня жить, примирился с тем, что я могла с головой уйти в интересную книгу, пренебрегая домашними делами. Иногда я удивлялась, насколько мы разные, на что муж мудро говорил, что двум одинаковым людям со временем станет неинтересно бок о бок. Я думала о Димке, своем институтском парне, и согласно кивала. Ибо вот с ним, как раз, у нас были одинаковые мысли, слова и фразы. Однако это не помешало мне несколько раз грязно изменить ему по чистой случайности, бездарно и спонтанно, а потом он уехал в Австралию на стажировку. А я осталась...

К чему я это все навспоминала? Несмотря на то, что мне шел двадцать шестой год, я была абсолютно неопытна в отношениях с противоположным полом и была уверена, что, обладая весьма посредственной внешностью, могу рассчитывать лишь на то, что мужчины видят во мне в первую очередь собеседника, друга, а никак не сексуального партнера. А еще, несмотря на то, что сама называла себя матерью, и в глазах общества считалась взрослым самостоятельным человеком, я в глубине души была уверена, что до зрелости мне еще очень и очень далеко. И истово верила в то, что где-то есть настоящие взрослые, истинные, у которых имеются ответы на все незадаанные вопросы.

Припомнив откровения минувшего вечера я пришла к выводу, что надо, во-первых, извиниться, во-вторых, расставить как говорится, все точки над «Ё», и сделать это надо явно не по телефону. Однако идти в общежитие, где стоит эта кровать, на которой едва не случилось очередного глупого недоразумения, не хотелось абсолютно.

«Давай встретимся завтра, только на нейтральной территории» – застучала я по кнопкам и нажала иконку с нарисованным конвертом.

Однако на нейтральной территории не вышло.

«Прости, я все вещи постирал, приходи сразу в общагу», – написал ты утром следующего дня на мой вопрос, где и во сколько встречаемся.

Меня это и озадачило и позабавило – надо же, какой наивностью веет от этого сообщения. А ведь именно ты производил впечатление того самого «взрослого»! Ну что ж, на трезвую голову почему бы и не пообщаться!

Я медленно оделась, причесалась, нарядилась, и, препоручив Катюху Сашке, собралась, огрызнувшись на вопрос мужа: «Ты куда» абсолютно неинформативным: «По делам!». Помедлила, обуваясь, вдруг вылезла из кроссовок, достала из—под кровати папку со старыми рисунками, и, поколебавшись, сунула в нее несколько разных фотографий.

И вот снова гулкая лестница, запах табачного дыма и краски, твоя комната, чисто прибранная и давно обещанный кофе, крепкий и сладкий. И позабыв обо всем, снова говорим обо все на свете. Я показываю тебе свое творчество – наброски акварелью, гуашевые джунгли, острые угольные штрихи, мягкие пастелевые мазки, сую их тебе в руки, с наслаждением вдыхая меловый запах бумаги. Тут же достаю свои детские фото, институтские снимки, распечатанные когда-то с первых камер мобильных телефонов. Торопливо вынимаю из сумки диск Пинк Флойд – Стена, да, та легендарная Стена, ты посмотри, слышишь, обязательно найди, где посмотреть, там такая графика! ДДТ по радио хрипловато напоминает, что Актриса-Весна снова на сцене, и у меня возникает ощущение, что я вернулась домой из долгого странствия, я не вижу ни морщин у твоих голубых глаз, ни шрама на виске, прикрытого волосами. Лишь то вижу, как ты смотришь, понимаю, что ты слышишь меня, и ни словечка не сказано впустую.

Ты осторожно целуешь меня, я словно врываюсь в ясную гавань, прильнув к твоему плечу. Тиха и бескрайняя нежность, и мне начинает чудиться, что мы знакомы всю жизнь.

– Лёша, Лёшенька... – бормочу я, откидываясь на высокие подушки, и перед восторженными глазами потолок плывёт и изгибается, словно чудная невиданная волна.

– Не называй меня так, – шепчешь мне в губы, и прижимаешь к виску долгим ласковым поцелуем.

Глаза мои распахиваются в удивлении. Я теперь вся – удивление. И радость. И нежность.

– Лёня, Лёнька. Зови меня просто Лёнькой...

Твои пальцы путаются в моих волосах, тянут, легонько касаются шеи, ласкаясь, плавно...

А время идёт, нет, оно бежит, летит, скачет, как сказочный Сивка-Бурка.

Ты провожаешь меня до выхода из подъезда, и я еще добрый час кружу по улицам, охваченная полузабытым чувством юности и легкости. Насущные проблемы отступили, потонули в этом чувстве. И я неожиданно, остро и отчетливо почувствовала, что снова живу, а не просто ем – сплю – дышу.

Такое уже было, было давно, и казалось утраченным, как и юность, как и наивность, но вот вернулось, пустило ростки в недрах души, стало тянуться ввысь и шириться с каждой секундой. И я уже знала, что придя домой, непременно достану бумагу, кисти, краски и буду работать над новой картиной, пока солнце совсем не скроется за линией горизонта.

И впервые за долгое время ни память, и сожаления о чем—то, прошедшем мимо меня, не будут сверлить ни мыслей моих, ни души.

Глава 4

*Как это плавать ночью в море?
Как это вместе строить дом?
Как на двоих счастье и горе?
Как много лет встречаться за одним столом?*

*Всё это можно представлять,
но зачем?
Есть выход простой.
Я хотел бы попробовать сам,
Но только если с тобой.
«Lumen»*

Сентябрь кидался дождями, кружился листвой в цветовом спектре от лимонно-желтого оттенка до багряно-вишневого, по ночам распахиная разошедшуюся форточку холодными ветрами, медленно приходил в упадок. Еще немного – и поздняя осень, ледок на лужах, черные улицы и вода с неба тоже черная. А там и первый снег недалеко.

Первая пара в техническом университете располагает ко сну. Особенно в понедельник. Особенно если впереди еще пять. Особенно для студентов—гуманитариев, волею судьбы занесенных на экономическую специальность физмата. Механически пишу, строю графики, зевая до хруста в затылке. Ноет зуб. Монотонный голос препода убаюкивает как колыбельная. Хочется на волю. А еще лучше домой, к маме, точнее даже не то чтобы к маме, а в свою комнату, где постеры с Агатой Кристи на стенах и коллекция плюшевых зайцев висит на ковре, пришпиленная булавочками.

Местным студентам хорошо, в родном городе и улицы помогают. А я на днях умудрилась заблудиться, свернув не в тот переулок, и прошагала лишних пару кварталов, пока добиралась до дому. С общежитием в этом году не повезло, и мы чудом сняли комнату у энергичной тетушки, до института четыре остановки на троллейбусе, хотя можно и пешочком дойти. Вот и хожу, люблюсь окрестностями. За спиной тубус с чертежами и рюкзак—торба с нарисованной волчьей мордой. Бледно-голубые клешеные джинсы, тяжелые ботинки – «гриндерсы», надеваемые и в пир, и в мир. Да, это у меня такой стиль, – говорю сокурсниками при знакомстве, (больше нечего надеть – усмехаюсь мысленно). А учиться в принципе, легко, правда. Вот только начертательная геометрия обещает попортить крови. Блин, я не могу, физически не могу представить конус, вписанный в сферу, да еще и разрезать эту конструкцию плоскостью. И вообще, на кой так измываться над конусом?

Вот и как, как тут не удрать в сердцах с последней пары?

Университет наш – двенадцать корпусов, плюс стадион, да еще пять общежитий. Абитуриенты, первокурсники и заходящие люди с непривычки пугаются и плутают по извилистым коридорам. Плутала и я, да через месяц пообвыкалась.

Выхожу, значит, из стеклянных дверей на улицу, смотрю – а на низенькой лавочке Димка сидит, школьный мой друг и сосед по парте. Ноги длинные вытянул, в руках тетрадка, в трубочку свернутая. А вокруг листья, листья ясеня желтые, свежие. Решимость прогулять начерталку окрепла. Я очень была рада увидеть его. Подошла, поздоровалась.

– О, какими судьбами, – говорю. – Ты ж вроде в аграрный поступал.

– Поступал, да не поступил, – смеется. – Физика, математика на пять, диктант на двойку написал.

У меня от уха до уха расползается улыбка.

– А теперь ты чего решил?

– Да на подготовительное отделение на машиностроительный факультет пойду. Год потеряю, ну да хоть сто процентов поступлю. А ты чего тут, Ин? Мы думали, ты в классическом университете на филфаке или на журналистике.

– Дим... Долгая история. – Я погрустнела. – В общем, мама сказала, что журналист – это не профессия. А после филфака только в школе за бесплатно пахать. И что я, конечно, могу поступать, куда вздумаю, но мне материально помогать не будет. В общем, вот. Буду инженером-экономистом, видимо. Если переживу начерталку.

– Странная у тебя мама. Впрочем, я рад. Хоть кто-то тут знакомый. В общаге живешь?

– Нет... – ковыряю носком ботинка мокрый асфальт. – Комнату снимаю у тетушки возле автовокзала. А ты?

– Тоже комнату, вдвоем с парнишкой, у бабульки. Тут рядышком. Ты домой? Пошли, провожу до трамвая хотя бы.

– Я, наверное, пешком.

– Так пошли пешком! Хоть поговорим, поделишься впечатлениями....

Димка начинает вставать с лавочки. Высокий, худючий, весь нескладный, словно сотканный из противоречий. Темные, близко посаженные глаза, черные густые брови, высокий лоб, пухлые губы, длинный прямой нос, нервные тонкие и сильные пальцы. Я вспомнила, как ловко эти пальцы управлялись с остро заточенными карандашами и гелевыми ручками, рисуя мифических существ в моих школьных тетрадах. Эти существа состояли сплошь из клыков, когтей, мускулов и крыльев. И все как один чем-то неуловимо походили на своего творца. На душе у меня потеплело. Я была безмерно рад, что школа осталась позади, но всё же было приятно встретить старого друга.

Димка был уникалом в своем роде. В физике он казался настоящим гением, в математике был безмерно хорош, однако над его экспрессивными сочинениями покатывался со смеху весь класс. Я уж не припомню содержания сих опусов, но точки в середине предложений, а порой даже восклицательные знаки он лепил недрогнувшей рекой.

Его манера письма не поспевала за быстротой мысли, и оттого буквы лепились, растягивались, прыгали по строчкам, гнулись под причудливыми углами, создавая нечитаемые узоры. Нас посадили за одну парту в середине десятого класса, что поначалу оскорбило до глубины души. А потом мы неожиданно подружились. На почве любви к фэнтези и к музыке, либо потому, что оба чувствовали себя несколько не в своей тарелке, уже, наверное не имеет никакого значения. Но мы обменивались книгами и музыкальными записями, не в меру острили в адрес учителей и одноклассников, до икоты ржали над собственными шутками и по мере сил помогали друг другу с учебой, готовили сообща многочисленные стенгазеты и тематические вечера. А под парами полупрозрачной водки на выпускном, Димка приподнял меня в процессе танцев, и крепко поцеловал, слегка оцарапав верхними передними зубами мою нижнюю губу. Впрочем, я знала, что он второй год сохнет по моей подруге, считала его совершеннейшим дитём во всем, кроме точных наук, и почти не обиделась. Досадный инцидент посчитали случайностью, а там он и забылся в угаре вступительных экзаменов, потонул в монотонном шуме пригородных электричек, расплавился в удушающей августовской жары.

В те дни я летела по жизни как сухой листок. На отношения с парнями где-то внутри меня вызрело строгое табу. Я с головой окунулась в придуманный мир, и мне было в нем уютно. Иногда становилось тоскливо, хотелось хоть на мгновение оказаться «как все» – с кем-то

встречаться, ходить на дискотеки в Дом Культуры, пить пиво на лавочках, сидеть на коленях у мальчишек, хвастаться новыми джинсами перед подружками. Однако я продолжала читать запоями, мечтать непонятно о чем, и прилежно распарывала старую кожанку, чтобы отнести ее соседу Славке, матерому металлисту, дабы тот поставил на нее железные заклепки, да побольше. С ровесниками в отношениях был нейтралитет, к выпускному классу я с удивлением поняла, что меня уважают за оригинальность взглядов и за образ мышления, однако дружбы не искал никто. Я довольствовалась тем, что есть, заводя легкие приятельские отношения и не страдая от одиночества совершенно. Редко—редко, в самые странные минуты мне хотелось, чтоб кто-то был рядом со мной, оберегал и защищал, и я представляла, как чьи—то губы легонько касаются моих, как кто—то назначает мне свидания, дарит цветы и все такое. Но тут же поднимали голову воспоминания о бесславной истории, случившейся в канун моего пятнадцатилетия, и приходило понимание – я не такая как все, мне никто не нужен, ибо «первый опыт борьбы против потных рук приходит всегда слишком рано», и я переставала мечтать, легко, словно щелкая выключателем.

В общем, с момента случайной встречи возле института с Димкой мы стали гулять почти каждый день. Уходили далеко по извилистым улочкам, засыпанным листьями. Осень в большом приволжском городе восхитительна. Тепло. Тянет дымом костров из скверов и со стороны частного сектора. Ковер из листвы шуршит, поздние астры и георгины похожи на яркие кляксы в пышных клумбах. На улицахлюдно и празднично. Студенты, мамочки с колясками, малыши в забавных курточках, гуляющие пенсионерки в чопорных беретах. А если спуститься к набережной Волги, пройти ее вдоль и встать у пустого причала, почувствуешь, как прохладен замшелый бетон, услышишь, как плещет волна, будто дышит некое огромное и доброе животное. И вот уже солнце садится, летают чайки под розовым и золотым закатным маревом, и теряются в тусклой дымке острова почти у самого края горизонта – Казачий и Зеленый. И неотвратимо сквозит осенью со всех сторон. А еще можно забраться на гору – оттуда город невыносимо прекрасен, желтый, золотой, рдяно—коричневый, и светлой полоской – снова Волга вдали, и мост простирается через нее, будто чей—то стальной хребет. И зябко, и запах полыни проникает в самую душу. Отступают неведомые страхи и тревоги, и даже последний страх – опоздать на троллейбус кажется призрачным и ненастоящим.

Мне хорошо и весело.

– Инка, бросай курить, – хмурится Димка, глядя как я ловко выщёлкиваю ментоловую «Вирджинию» из тонкой белой пачки с зеленой полоской.

Хмыкаю, поворачиваюсь к ветру спиной, и, сложив ладони шалашиком, пытаюсь добыть огонь из дешевенькой зажигалки.

– Дим, я одну всего. Я не курю. То есть курю, но... несерьезно.

– Инна, в твоём возрасте люди бросают, а ты начинаешь.

– А я нелюдь, – хмыкаю, выпустив струю дыма в зеленеющее вечернее небо.

Курю я в двух случаях – когда плохо на душе и когда очень хорошо, вот, как сейчас. Никотин легонько сжимает затылок и мягкой волной толкает под колени.

– Ты хоть затягивайся, – фыркает Димка, морщась от дыма.

– Я через раз.

Он садится на корточки, острые колени торчат, обтянутые спортивными штанами, кепка сдвинута на затылок, синяя джинсовка лежит рядом на травке. Поколебавшись, сажусь рядом на свой рюкзак.

– Устала? – испытывающе смотрит на меня.

– Не—а, – кладу голову ему на острое плечо.

Димка еле заметно дергается всем телом. Удивленно заглядываю к нему в глаза.

– Ты чего?

– Волосы... Щекотят, – потупив взгляд, объясняет, мой друг, и подобрав какую-то палку, начинает что-то рисовать на рыхлой земле.

– Ааа. Я если что, не заразная. Просто спина все-таки устала, но совсем немного, – начинаю спутано объяснять, но потом просто машу рукой и докуриваю до фильтра.

Поднимаемся и начинаем спуск с холма. Быстро темнеет, мой тубус мешается и бьет по ногам. Димка, покосившись, забирает его у меня.

– Спасибо, абитура, – выдыхаю я и понимаю, что реально притомилась. Икры гудят, позвоночник словно набор колкой мозаики.

Вот что было по-настоящему хорошо, нам не приходилось искать тем для разговоров, выдерживать паузы между фразами или мучительно краснеть, потеряв нить повествования. Я совершенно не силилась ему понравиться. И была самой собой, видимо, впервые за долгое время, если не за всю жизнь.

Хотя, если честно, несколько раз я вспоминала о том невнятном поцелуе на выпускном, и мне хотелось улыбаться. Видимо, чем-то я его все же привлекла, несмотря на всю свою блеклую внешность.

С горы идти несомненно легче, чем в гору. Мелкие камушки попадают в ботинок и противно колют. Останавливаемся, снимаю «гриндерс», вытряхиваю. Димка удивленно-весело смотрит на мои красные носки с желтым покемоном.

– Стильно, да? – верчу ступней во все стороны, словно приглашая его полюбоваться чудом китайской текстильной промышленности.

– Инка. Ты феномен, – смеется Дима, и хватает меня за плечо, чтоб я не упала. —Пошли скорее, трафик уедет.

– Что уедет??? – принимаюсь хохотать, обуваясь и пытаюсь удержать равновесие одновременно

– Ё—моё, Инн, троллейбус. Уедет.

– Блин, Дим, говори правильно, бесит, когда коверкают слова.

– Но ты же поняла смысл. И поторопись, тебе к первой паре завтра. Выспаться надо.

– Давай я сама решу, а, Дим?

С этими словами я все-таки подворачиваю ногу и, охнув, замираю.

Вечер стремительно накрывает свежестью, синевой и запахом выхлопных газов с ближайшего шоссе.

Димка смотрит на скрючившуюся меня, качает головой и подходит вплотную.

– Давай, за плечи меня хватай. Донесу до остановки. Но сначала на, – сует мне в руки злосчастный тубус.

– А ты не поломаешься? – хихикаю я, но, тем не менее, обхватив надоевшую до чертиков пластмассовую трубу с чертежами, с грацией резвого бегемота буквально вспрыгиваю к Димке на руки.

На удивление мне удобно. Димка теплый и уютный, его руки, хоть и худые, но сильные, и я чувствую, как перекачиваются мышцы на его спине, которая оказывается вдруг очень широкой. Его дыхание горячее и очень чистое. Шея смуглая и слегка пахнет придорожной пылью, полынью, здоровым крепким телом. Одна его рука обвивает меня за спину, другая подхватила под колени. А вот и троллейбус. Уже поздно, он тих и практически безлюден. Димка меня сгружает на свободное сиденье.

– Дай посмотрю, что с ногой.

– Может, не надо? Уже меньше болит.

– А если вывих? Надо вправить.

Расшнуровывает ботинок, устраивает мою ногу на своих костлявых коленках, нависает над моей лодыжкой словно большая взволнованная птица над детёнышем. Тонкие пальцы аккуратно ощупывают весь голеностоп.

- Инн... А как называется тот фильм?
- Который? Не трогай меня за подошву, щекотно!
- Где память стирали главным героям?
- Негасимое сияние чистого разума.... Оооой!

Пока я произносила длинное название, Димка плотно обхватил мою ступню и резко дернул, куда-то в сторону и резко на себя. Острая боль полоснула как лезвие, но потом неожиданно стало совсем хорошо, словно встал на место сустав.

– Надо туго забинтовать. И не нагружать несколько дней. И я тебе говорил – ходи в кроссовках.

Когда Димка волнуется, он начинает картавить, и буква «Р» звучит раскатисто, будто переливаясь.

- Спасибо. Где ты наловчился вывихи вправлять?

– Инн, у меня брат младший, и еще сестра есть, если ты не забыла. Тут приходится все уметь. И это не вывих, а подвывих. С вывихом пришлось бы травмпункт искать.

Мне спокойно и снова весело. Окно в троллейбусе серое, немытое, на улицах уже зажглись фонари. И как же приятно ехать вот так, рядышком, спорить до хрипоты обо всякой ерунде, и чувствовать, что твой собеседник равен тебе по образованию, воспитанию, по образу мыслей, и слушает тебя с интересом, и ему важно твое мнение по ряду вопросов. И вот я внезапно замечаю, что мы держимся за руки, наши пальцы сплелись, и щеки мои отчего-то предательски пылают.

– Инка, только не влюбляйся, ээй, нельзя, – тихонечко говорю себе перед сном. – Тем более это же Димка – ходячее недоразумение, наш математический гений, локти—родинки—брови, к тому же сохнет по бывшей старосте 11 «Б», – Инннаааа, ну не мечтай, не начинай даже, неужели ты хочешь, чтоб как тогда – эта липкость, эта потность, эти бессмысленные телодвижения, этот пустой взгляд после того, как... И если он узнает обо всем... Гадко, боже как же гадко...

Встаю, стараясь не разбудить соседку по комнате и хозяйкиного крикливого сына, набрасываю куртку прямо на пижаму, выхожу во двор. Неловко закуриваю, цепляясь о куст шиповника, ежусь от уже по настоящему осеннего холода, смотрю на колючие звезды и неожиданно понимаю, что уже добрые пару минут рыдаю, рыдаю захлеб, как, наверное, не рыдала с самого раннего детства. И мне начинает казаться, что меня нет, просто нет, а есть некая оболочка, но она не принадлежит ни мне, ни этому миру. Вот сохнет белье на веревках, вот куст, вот колючки на нем, а я – нелепый силуэт в штанах в цветочек, системный сбой, ошибка, иллюзия. Вот дунет ветер, и нет меня... И от этой глупой мысли я почему-то успокаиваюсь.

Осень, листопады, шорохи, шелест, шепот, жесткие рейки скамейки под лопатками, распущенные волосы закрывают мое лицо, голова лежит на Димкиных коленях. Затылку тепло и жестко. Смеюсь, а он заглядывает мне в глаза и улыбается и тут же хмурится. Звезды так высоко. И березки смутно белеют в сумерках. Еще один день прошел, словно целая эра закончилась.

- Инн, – Димин голос тих и странный. – Инн... Перестань так на меня смотреть.

– Как? – продолжаю смеяться, смахиваю с лица то ли собственные волосы, то ли паутинку, прилетевшую с соседней березы.

- Потому что мне кажется, что я сейчас тебя поцелую, Инна.

Его темные глаза становятся серьезными и глубокими, словно это небо, словно шахта колодца, жерло вулкана и еще что-то древнее и бескрайнее, чему нет названия и имени тоже нет.

– А обязательно об этом предупреждать? – пытаюсь отшутиться, но тут его губы накрывают мои, он теплые, нежные, подрагивают и слегка раскрываются. И я тоже в неясном порыве словно раскрываюсь им навстречу. Мне кажется, что мой рот попал в середину цветка, запутался среди влажных лепестков и сам стал частью соцветия. Мои губы шевелятся в ответ.

– Зачем? – выдыхаю в улыбающееся лицо.

– Инна, я начинаю относиться к тебе как к своей девушке, – задумчиво говорит Димка.

– Но, мы же просто друзья? – улыбаюсь, задумчиво шурясь.

– Да, мы просто друзья, – эхом отзывается он.

И я как во сне, обнимаю его за шею и притягиваю к себе, крепко, властно, и он снова тянется к моим губам, неизбежно, жадно, и поцелуй все длится, и я снова умудряюсь улыбнуться, испытываю ощущение, которого так ждала, и биение пульса в висках все чаще, и ширится, ширится звездное небо. И шуршат листья над головой. И снова мне кажется – отстраненно, непонятно, что я вне тела, и что два силуэта, обнявшиеся на скамейке – это не мы, а просто образ, символ, вырезанный из цветной бумаги, хрупкий и нелепый.

Потом?.. Ну чего потом было – как у многих, наверное. Зарядили дожди, выпал снег, растаял, снова выпал. Гулять стало холодно, и после занятий мы стали пропадать у Димки на съёмной квартире. Он мне помогал готовиться к сессии, иногда мы втихоря пили вино из чайных чашек, чтобы бабулька, хозяйка квартиры, не заподозрила нас в скрытом алкоголизме. Дружно шутили над Димкиным соседом по комнате, Коляном. Не менее слаженно корпели над учебниками. А в редкие минуты, оставаясь наедине, падали на выдавшую виды кровать и целовались до распухших губ, до засосов на шее, до изнеможения тиская, изучая друг друга, ощупывая и покусывая. Потом на ватных ногах приводили себя в порядок и шли гулять – в любую погоду, в ветер, в бурю, чтобы остудить горячие руки и щеки. Иногда забредали в полупустые кинотеатры, чтобы в спасительной темноте снова целоваться, тискаться, обниматься, переплетать языки, руки и ноги, тяжело дышать, и, закрывая в изнеможении глаза, тереться носами, щеками и лицами. Нет, никакого секса не было. Какой, блин секс, если мне и слово-то это было противно, и я вся деревенела, слепла и глохла, едва Димкина рука пыталась преодолеть ремень моих штанов. Впрочем, это не мешало мне тереться, извиваться и закатывать глаза, постанывая в его объятьях. На большем Димка не настаивал. Я ему однажды обмолвилась, что уже имею опыт в интимных отношениях, но не хочу это обсуждать. Мы это и не обсуждали, довольствуясь настоящим. Я порой с надеждой вспоминала: «Мы же просто друзья, да, Дим?», он задумчиво соглашался, и все продолжалось к обоюдному удовольствию, по-прежнему.

Далее я блестяще сдала первую сессию. И были каникулы, и поездка домой, и долгие ожидания друг друга после каникул на выходе из разных корпусов универа, пока расписание устаканивалось, а мобильных у нас еще не было. И радость нечаянных встреч, и нежность, и страсть, и легкая ирония, и состязания в остроумии, которые нам не приедались ни на минутку.

Потом? Лето, снова сессия, у Димки вступительные экзамены, во время которых я ждала его в пустых коридорах института, сплющив нос об оконное стекло, скрестив пальцы и любуясь на цветущую черёмуху. Долгий поцелуй на глазах толпы студентов, и мой шепот в его ухо: «Теперь ты не абитура, а первак, да?»

Следом летняя практика, а, по сути, отмывка и покраска аудиторий и сгребание скошенной травы на университетских газонах.

А затем как то резко, будто кто-то скомкал реальность, Димка засобирился на месяц к родне в Казахстан, и я долго и некрасиво ревела, провожая его на поезд. Висла на шее, и слюняво целовала, чувствуя почти физическую боль, потому что мне до этого мига еще некого было терять. Но и мне было пора ехать к маме. Практика кончилась, лето входило в зенит.

Дома как гром среди ясного неба – нервная злая мама: «Инна, ищи работу, мне дорого за тебя платить. Нет, ты не поедешь на турбазу – что за глупости. И надо бабушке помочь.»

А у бабушки ждала новая беда. Едва я приехала, рассерженная и обиженная до глубины души холодным приемом у матери, и принялась жаловаться, мол, опять ей все не так, и что я на этот раз неправильно сделала, вот и учусь где она (мать) захотела, и хорошо учусь, между прочим, как вдруг на полуслове осеклась. Пахло лекарствами, хлоркой и чем-то отвратительно больничным, казенным.

– Ба, а где дед?.. – спрашиваю, а сердце начинает нехорошо трепыхаться. Дед мне был вместо отца: таскал меня маленькую, на рыбалку и за малиной, учил плавать, заплетал косы, вытирал слезы, дул на ссадины и совал полтинники на мороженое.

– Инночка, – бабушка словно стала ниже ростом. – Да ведь рак легких у него. В комнате он своей, лежит.

Я почувствовала, как пол качается под ногами, а рот опять растягивается широко и мерзко, и подступает паника.

– Инна, мы тебе не хотели говорить, пока сессия. Чтоб училась нормально. Да и ему не говорим. Думает, что бронхит. Опухоль неоперабельная, 5 см в диаметре, и метастазы в печени. Деточка, не плачь, ты же взрослая уже.

– Почему вы ничего не делаете? – тупо забормотала я. – Химиотерапия, лазеры, лекарства, что угодно... Почему????

– Это все его сигареты, – с мягким воронежским акцентом, говорит бабушка. – Курил, курил столько лет, и вот оно, напасть какая. Не плачь, тебе говорю, напугаешь его. Полгода, говорят, максимум...

Медленно встаю, вытираю глаза и иду к деду.

– Ооо, привет, студентка! – говорит он и я замечаю, как похудел и пожелтел мой дед, сколько седины прибавилось в его темно-каштановых волосах, лишь глаза прежние – живые, черные, внимательные и добрые.

Присаживаюсь на кровать, обнимаю деда, глажу крупные шершавые ладони.

– А я все болею, болею, раскис совсем. А надо виноград подвязывать, она вон не пускает, – кивает в сторону двери. – Ну да живы будем, не помрем, по осени пересажу его весь.

Глаза мои сухи. В горле дерет от запаха лекарств.

– Ты надолго к нам, егоза?

– Я, деда, до конца лета. Мать дома нервная. Я с вами поживу, малины поем, погуляю.

– Так отходит она, малина—то, эххх...

Сидим, молчим, каждый о своем...

Потекли дни, жаркие, сухие и страшные.

По ночам я то рыдала в подушку, молясь всем известным богам и прося чуда, исцеления, милости, обливала слезами икону Владимирской божьей матери и лик Николая-Угодника, то без сил щелкала каналы на телевизоре, не понимая сути ни фильмов, ни передач. То кралась в кухню с толстой книгой, заваривала себе литровую кружку чая, мазала толстые ломти хлеба сливочным маслом и поглощала их в бдении над романом, словно моя бессонница могла кому-то помочь, спасти. Я пряталась за выдуманными историями, чтобы не думать, не быть здесь, рядом с бедою, с большим человеческим горем. А беда не уходила, она словно сидела рядом со мной, и так же выжидала, бдела над бумажными страницами, дышала в ухо, сковывала холодом по рукам и ногам.

На рассвете я умывалась, надевала шорты с майкой и уходила бегать. Туман висел над полями крупными каплями, мычали коровы, бредя в стадо, где-то вдалеке взлаивали собаки, трава, мокрая от росы, жгла ледяным холодом голые ноги, тряпочные кеды моментально промокали, в затылке пульсировала боль. А я бежала и бежала, вдоль рощи, вдоль посадок, вдоль поля, бежала, пока в легких не начинало жечь от утренней прохлады, а в голове не оставалось ни единой мысли.

В иные дни я возвращалась с пробежки и видела деда с лейкой или секатором, упоенно возящегося в огороде, и сердце топила огромная бесстыдная радость. Но случалось, что я по возвращении заставала у ворот машину скорой помощи, и тогда мне хотелось опуститься прямо в дорожную пыль и завывать.

Днем я часто уходила все в те же посадки, на реку, доставала припрятанную в зарослях рябины под камнем пачку сигарет и долго, отчаянно курила, сидя где-нибудь на пригорке, пуская клубы дыма в полинявшее августовское небо, в бессильной злости от невозможности что-то изменить.

Еще под сердцем ковырялся противный червячок ревности – как-то там мой Димка? Сама же сказала, что мы просто друзья. А вдруг найдет себе кого-нибудь. И так горько становилось, что табачный вкус не мог перебить эту горечь. И ничто не могло. Я собирала наспех букет из разноцветных листьев, полевых цветов и рябиновых веток и брела домой с огромной тяжестью на душе.

С такой же тяжестью отправилась я на учебу в начале сентября. Дед держался молодцом, и я снова подумала, что все еще может обойтись.

Мама, словно стараясь загладить резкие слова в мой адрес, накупила мне кучу обновок, но они меня не радовали. Мир вокруг словно потерял резкость.

Разве когда Димка встретил меня на выходе из аудитории после первой пары, меня немного попустило.

Мы пошли на задний двор на полюбившееся нам во время летней практики бревно, и там, глотая слезы и ломая одну сигарету за другой, рассказала другу про деда, и про рак, и про утренний бег без смысла и цели.

Димка молча привлек меня к себе и долго гладил по волосам.

Слова – любые, были бы бессмысленны. А прикосновения утешали, убаюкивали, и я цеплялась за них, будто за якорь.

И нет. Нет. Не обошлось. Схоронили мы дедушку в начале октября.

Жизнь понеслась дальше. Учеба, чертежи, семинары, поцелуи на переменах.

А когда листья снова дождем полились с берез и ясеней и зашуршали по тропинкам, я стала сбегать с последних пар, не дожидаясь Димки, не задумываясь о прогулах и грядущей сессии. Я уходила в глухой двор неподалеку от института, садилась на низкую и широкую лавку и курила одну за одной, бессильно глядя прямо перед собой. Стена, решетки на окнах первого этажа, забытый каким-то малышом яркий красный грузовик у подъездной двери. Безымянное дерево сыпало листьями мне прямо в лицо. Дождь, ветер – мне все было едино.

Клеши моих брюк выпачканы в грязи, на каблуки налипла листва.

– Инка! Девочка моя! Неужели я тебя нашел!

Димка врывается в мое уединение как угловатый и растрепанный вихрь. И вот я уже без слов обнимаю его за шею, утыкаюсь в его синюю куртку, пропахшую мелом, и еще чем то жареным, домашним и до боли родным, и рыдаю взахлеб.

Дождь повсюду. Мокрая скамейка рыхло слоится старой древесиной. Мокрый козырек подъезда, ржавый, кривой и сутулый, мокрый ствол дерева, мокрые мои волосы, потемневшими прядями лезущие в рот, мокрые соленые слезы мешаются с холодными каплями. Нос не дышит и хочется разораться в голос. Димка сгребает меня в охапку, убирает волосы из рта, целует и целует зареванное лицо, волосы, руки. Тычется носом мне в затылок, в капюшон, в шею.

– Пойдем, Инночка, пойдем отсюда. Не вернешь дедушку твоего. Не плачь, не убивайся. Говорят, нельзя так, надо отпустить.

Скулю, уцепившись за ремень Димкиной сумки. Пальцы сжаты до белых костяшек. Зубы стучат. И вдруг неожиданно приходит облегчение.

– Тише, тише, я с тобой, я тебя люблю, не прячься от меня, родная, не убегай больше.

– Ты забыл? Просто друзья, – шепчу ему в самые губы.

А дождь все льет и льет, накрывает, обволакивает, бисерно сыпет на мой рюкзак. Мы поднимаемся и идем, шатаясь как пьяные. Димкины руки обвивают мою талию, мой тубус привычно висит на плече товарища. У него дома тепло и светло. И он задернет шторы, вскипятит чайник, разденет меня до белья, разотрет плечи и ступни, натянет мне на ноги толстые шерстяные носки и даст сухой спортивный костюм. Расчешет и заплетет мои волосы, закутает в одеяло и будет поить слабеньким сладким чаем с чайной ложечки, станет дуть в кружку, смешно выпячивая пухлые губы. А потом мы заснем бок о бок. А на следующий день продолжится жизнь.

В начале декабря я нашла вожаделенную подработку, бегала по сетевым магазинам и проверяла сроки годности колбасы под гордой маркой «Фамильная». Димка прилежно учился, идя на повышенную стипендию, попутно помогая мне с курсовыми работами по сопромату и термеху. В свободные минутки мы так же с упоением целовались, и шутили, и спорили, и строили планы на грядущую взрослую жизнь.

А однажды Димкин сосед Коля тихо собрался, сказал: «Я на тренировку». Бабулька была в отъезде, из ноута доносились звуки скрипки, наложенные на жесткий рок, с улицы тянуло почему-то весенним духом. Димка достал откуда то из рюкзака бутылку каберне и принес из кухни хозяйские фужеры. А еще зажег свечи и вынул откуда то из-за шкафа букет роз.

Это мне показалось по-киношному комичным, но внезапно тронуло до глубины души.

– Молодой человек, вы пытаетесь меня склонить к разврату?

– Шутки неуместны, Ин. Просто хочу тебя порадовать.

– А я решила, что просто хочешь, – ехидно протянула я.

Димка посерьезнел.

– А что, не заметно? Конечно, хочу. Еще с десятого класса. Но я столько ждал, что могу ждать еще сколько скажешь.

– В смысле с десятого? – меня разобрало нездоровое любопытство.

– Помнишь твою короткую юбку? А то, как ты лихо прыгала через парту, чтоб не обходить весь ряд? А эти джинсы, эти маечки, под которыми ничего нет, эти блузки полупрозрачные. И то, как ты покусываешь карандаш, когда задумываешься над примером. И этот запах... от волос, от шеи.

– Перестань, мне неловко. Спасибо за цветы.

Обнимаю его, целую, прикусываю за ухо.

– Мне никто еще не дарил цветов, просто так.

Димка тяжело дышит. Его рубашка полурасстегнута, кладу ладонь на его грудь. Она смуглая, гладкая и очень горячая. Провожу ногтями вниз, к животу, чувствую, какими твердыми становятся его мышцы. Касаюсь ремня брюк, скольжу ниже и ниже. Там тоже горячо и твердо. Садимся на кровать, я к нему спиной. Его дыхание на моей шее, его ладони на моей груди, гладят, жмут, кружат. Мне жарко. Мне восхитительно.

– Детка, да ты вся горишь.

Со стоном поворачиваюсь и впииваюсь ему в губы.

Опрокидываю его на спину. Горячие ладони по-хозяйски лапают мои ягодицы.

– Крошка, полегче, – хрипит Димка. – А то я не смогу остановиться.

– А может, не надо?.. Останавливаться.

Чувствую себя удивительно бесстыжей и всеильной.

– Ты уверена?

– Да. И мы всего лишь друзья?..

– Друзья! – рычит, прикусывая мне верхнюю губу. – Я тебе сейчас покажу друзей.

Я возбуждена, меня трясет. Путаемся в пуговицах, застежках и рукавах, кровать кажется предательски мягкой. Одежда грудой свалена на полу. Прикрываю глаза ресницами, внезапно

стесняясь от осознания, что Димка в одних смешных темно-синих трусах, что на мне вообще нет ни нитки, что на лобке пружинят темные кудряшки, а лак на ногтях облупился еще на прошлой неделе, и что мне жарко и влажно до изнеможения. Димка горячий, разморенный, глаза блестят, руки мнут мое тело, а мне не страшно, мне хорошо.

– Диим...

– Что, радость моя?

– Я не знаю, что делать дальше.

– Я сам... Я все сам сделаю, ты только расслабься... Но, ты уверена?

– Да...

– Что – да?.. – поцелуй накрывает словно цунами, и, боже мой, отчего он целует меня в губы, а каждый поцелуй отдается истомой внизу живота?!

– Ты хочешь?...

– Очень хочу.

Закрываю глаза. Сладко. До безумия сладко. Я раскрываюсь перед ним, как устрица, как шкатулка, как цветок.

Влажно, скользко, горячо. Поцелуи зудят будто укусы, с губ срывается стон.

– Ах, еще....

На мгновение открываю глаза. Его лицо сосредоточено и расслабленно одновременно

– Что мы творим?

– Молчи...

Скрип кровати. Одеяло сброшено на пол. Подушка следом. Вот я уже сверху, и чувствую небывалую власть над ним. Оказывается, вот что такое заниматься любовью! Когда не знаешь уже, где чьи руки, и губы, где заканчивается одна плоть и начинается другая. Димка снова сверху, приподнимается надо мной и заводит мои ноги себе на плечи. Сладко... Удивительно сладко. Качание, трение, колыхание, жажда.

Димка замирает и протяжно выдыхает. Нечто горячее бьет в недрах живота, словно вулкан взрывается. Чувствую частые нежные поцелуи на веках, на губах, на шее.

Лежим, обнявшись. Страшно открыть глаза. Смешение чувств.

– Я тебя не разочаровал? Тебе хорошо?

– Очень.

Открываем глаза, словно заново изучая друг друга.

– Тебе не холодно? Чего-нибудь хочешь?

– Попить. И в душ.

Димка приносит мне кружку холодной воды. Пью жадно, наслаждаясь каждым глотком.

– Чур, в душ вместе.

Тащит меня в ванную вместе с простыней. Стоим под горячими струями. Мне стыдно. Я голая. Димка тоже, но его это, видимо, не заботит. Намыливает меня, я намыливаю его, изучая заново эти мышцы, поджарый живот, ноги, плечи. Я все еще возбуждена и когда Димкины пальцы касаются моих складочек там, внизу, я не могу сдержать стон.

– Просто друзья? – шепчет мне в ухо, дразня и покусывая мочку.

– Ну а как же, – подхватываю я, и тут меня в лоб поражает вопрос:

– Детка, ты кончила?

Удушливо захлестывает новая волна стыда.

– Уточняю, – ты испытала оргазм?

– Н-не знаю, – мне хочется немедленно провалиться под землю, утонуть под душем, уйти по водопроводным трубам.

– Ясно.

Димка выключает воду, набрасывает мне на плечи полотенце, и на руках несет обратно на разоренную постель. Устраивает поперек кровати, и ложится рядом на живот, глядя мне в глаза спокойно и весело.

– Не сжимайся. Я должен был уточнить. Раз ты не знаешь, значит нет. Но не все потеряно. Его рука тянется к простыне, которая закрывает мое тело.

– Крошка, Я хочу на тебя посмотреть. Ты такая красивая. Я как художник тебе говорю. Простыня летит на пол. Мне снова не страшно, а сладко и весело.

– А теперь я хочу попробовать, какова ты на вкус., – шепчет Димка мне в губы, в макушку, в ухо.

Я вся дрожу, но эта дрожь не от холода, а от его слов, таких пряных, таких откровенных.

Поцелуи текут, как струи дождя. Его губы на губах, на шее, скользят ниже, охватывают сосок, и я выгибаюсь в мучительно сладостной истоме, но его язык уже скользит ниже, на живот, выписывает немыслимые вензеля, потом спускается еще ниже, и: «О, дааа, да, делай так ещё, только не останавливайся, не останавливайся, не то я умру!»

Горячая, пульсирующая волна зарождается в самой глубокой точке моего тела, щекочет крестец, поднимается по позвоночнику, мягко ударяет в самую макушку и мир рассыпается и погибает в жерле сверхновой. Кажется, что-то безумно горячее выплескивается из меня, я вскрикиваю, пытаюсь удержать это мгновение, но вот оно уже уходит, ах, уже ушло, и только, затихая, пульсирует судорога все там же, внизу.

И я жива, мне легко и свободно, унялся мучительный зуд желания во всем теле, лишь колени словно чужие и слабые, а Димкины потемневшие глаза бесстыдные и радостные, и я нагибаюсь, целую его, чувствуя вкус своего желания, его слюны и меня накрывает поток нежности. И благодарности:

– Да, радость моя, о, моя радость...

Уже к 11 годам я знала, что мужчина и женщина наедине творят множество странных вещей в угоду инстинктам и удовольствию, знала точную медицинскую терминологию для всех частей тела и могла разложить половой акт на фазы и этапы, спасибо статьям в энциклопедии и родительским учебникам.

Однако в тот день, за неделю до зимней сессии, я поняла как разнятся теория и практика, и как это здорово – принадлежать не только душой, но и телом человеку, в которого влюблен.

Такие банальные, коротенькие и глупые мысли, но тогда они казались правильными и милыми, как юность, как воздух и весна.

Только разве я могла тогда знать, что ровно через полгода после того, как мы открыли для себя фееричный мир плотских наслаждений, я изменю Димке. Изменяю внезапно, грязно и против своей воли. А еще через полгода это повторится, только уже в других декорациях и с другим человеком. А спустя еще восемь месяцев и одиннадцать дней наш ошеломительный, стремительный, неповторимый уже никогда студенческий роман оборвется на ноте, одновременно и трагической, и весёлой.

Мы останемся живы и даже будем счастливы, но между нами ляжет несколько часовых поясов, пара океанов и неизбежное чувство потери. Ценой этой потери станет мой уход из опротивевшего в край университета, а так же первые приступы панических атак. И – вереница акварельных набросков в сиреневых и вишневых тонах, которым никогда не будет суждено стать законченными картинами.

Глава 5

*Один лишь шаг до высоты,
Ничуть не дальше до греха,
Не потому ли в этот миг
Ты настороженно тиха.
«Пикник»*

– А потом он предложил тебе уехать в Австралию? и ты отказалась?

– Ну да, – утыкаюсь тебе в подмышку, блаженно шурюсь, – а потом я бросила университет, пошла работать администратором в суши-бар, и встретила там Сашку. Дальше ты знаешь. Солнце бросает блики на пол, на стены, на твою щеку.

– Вообще, Лёнь, чего я тебе все рассказываю?

– Миленькая моя, да ты же тоже недолюбленный ребенок, – отхлебываешь пива, твои пальцы зарываются в мои волосы, лаская затылок. – Как и я, как и все мы.

Забираю у тебя стакан, с удовольствием втягиваю губами янтарную влагу. Пиво остро пахнет хмелем и оставляет терпкую горечь на языке. Мы встречаемся уже несколько долгих, каких-то невероятных недель. Я уже и сама не понимаю, как сложилось, что я с каждым днем всё больше раскрываюсь перед тобой, говорю и говорю, выплескивая на тебя воспоминания детства, юности, и мне почему-то совсем не стыдно. Разве что о злосчастном концерте группы «Пикник» пока молчу. Эти воспоминания заперты крепко-накрепко в глубине памяти. Да там им и место. Я говорю тебе о своем городе детства, маленьком, пыльном и пропахшем полынью, (представляешь, после революции в нем не уцелело ни единой церкви!) О том, как училась рисовать, не будучи записанной в художественную школу. Про то, что тени от людей и предметов на самом деле не чёрные, а цветные. Про первую любовь, про наш факультет, про то, как пришлось оставить учёбу в угоду работе, про Волжские берега, по которым пронзительно скучаю.

Ты рассказываешь, то с иронией, то с плохо скрываемой печалью про свое детство, про жизнь у моря. Вспоминаешь службу в армии на границе с Китаем (для меня, увы, это конец цивилизации!), про своих бывших жен, про детей. Говоришь о войне, но редко, а я и не спрашиваю, потому что эта тема безгранично далека от меня, да, к тому же, я так боюсь тебя ранить! А когда я тебе начала пересказывать сюжет фильма о незадачливых питерских наркоманах, который поразил меня манерой съемки и привнесением киберпанка в костюмы актеров, ты резко меня оборвал, сказав, что я понятия не имею о настоящих наркоманах, и это вообще не искусство, а гадость. Я опешила, и сначала немного даже обиделась, что меня отчитали как девчонку. А потом поняла, что я-то реально девчонка по сравнению с тобой, и ты имеешь полное право высказывать свое собственное мнение, в общем-то, по любому вопросу.

Итак, солнечный полдень, тепло, светлые занавески колышутся от ветра.

Мы лежим на скомканных простынях, обнаженные, пьяненькие и счастливые.

– Знаешь, я снова начала рисовать. Три года почти краски не брала в руки, – зачем-то говорю я, пока твои пальцы путешествуют от впадинки у моего горла вниз, попутно оглаживая грудь и лаская живот.

– Здорово, приноси, покажешь в следующий раз.

Обнимаешь, перекатываешься с бока на спину, притягивая меня, буквально забрасывая на себя.

– Лёнь... Что, опять? – хихикаю я, а ты уже начинаешь движение бёдрами вверх, прикрыв глаза и ухватив меня за локти.

Там, внизу, еще не совсем твердо, недостаточно горячо, но ты действуешь уверенно и властно, и я подаюсь тебе навстречу, охваченная жаждой впустить тебя, соединиться, слиться в акте любви, поделиться с тобой своим жаром, и пылом, и соками. Но ты ускоряешься, полувскрик—полустон, и вот, я чувствую, как колотится твое сердце, как хрипло ты дышишь, и понимаю, что, кажется, снова не успею прийти к финишу. Плевать. Продолжая сидеть на тебе верхом, кончиками пальцев вожу по твоим ресницам, по лбу, силясь разгладить морщинки, трогаю твои губы и подбородок, будто слепец, пытающийся наощупь увидеть черты любимого лица.

Тянешься за сигаретами, раскуриваешь сразу две, одну вручаешь мне. От табака уже сухо во рту, но все равно курю, следя за солнечными бликами, плавающими по комнате подобно странным следящим радарам.

– Лёнь...

– Что, миленькая?

– А поцелуй меня... Там.

– Миленькая, я никогда никому... Ты же знаешь... Впрочем...

Гашишь сигарету, опрокидываешь меня на спину, проводишь языком по моему горлу. Твое сердце бьется спокойно и размеренно. Плавно спускаешься ниже, и вот ты уже целуешь мои бедра, торопливо чмокаешь между ног, прямо в зудящую влажную розовость. Странно, я так ждала, и что же... Мне приятно? Или щекотно? Не могу понять, но прошу тебя продолжать. Что-то не так, но что? Неважно, подаюсь тебе навстречу, плавно поднимаю бедра и опускаю их, прижимаюсь к тебе все плотнее, и вот мне на секунду кажется, что это не ты ласкаешь меня языком, а я сама трусь и насаживаюсь на твой язык и на твои пальцы. С горем пополам финиширую, выдыхаю, сажусь, притягиваю к себе твое лицо и крепко целую, внезапно поняв, что, собственно, показалось мне странным – ты абсолютно спокоен, ни следа от возбуждения, твой детородный орган также абсолютно безволен и аморфен и мягок.

– Не делай так больше, если тебе не нравится, – говорю еле слышно в твой затылок.

– Главное, чтоб тебе нравилось, – цепляешь бутылку за горлышко, пиво льется по стаканам, пенные барашки лопаются маленькими пузырьками, они похожи на липкий тополиный пух.

Окунаю губы в эту пену, прикрыв глаза, пью, чувствуя, как в затылке начинают постукивать молоточки.

– Лёнь, а давай кофе попьем, или чая?

Я понимаю, что уже крепко перебрала. Иногда в такие минуты у меня похмелье начинается резко и внезапно, от него трезвеешь моментально, и приходит тошнота, головная боль и мерзкая муть в желудке.

– Кофе? – удивляешься ты.

– Ну да, мне немного нехорошо.

– А кофе-то и нет, хочешь, схожу куплю?

– Нет, не надо никуда ходить, – откидываюсь на измятую подушку. Голова кружится. Ну вот, опять напилась, а хотела всего лишь пригубить стаканчик.

С алкоголем у меня всегда были странные отношения. Иногда я вообще могла пить много, не пьянея, даже шутила по этому поводу, что меня поить – лишь продукты переводить, но случалось и так, что от малой дозы вина или шампанского хмелела быстро и, что называется, вусмерть.

Твой телефон вызывает мелодию The Unforgiven, Metallica. Лениво отвечаешь, разговор тоже медлителен и плавлен, твой голос убаюкивает меня, я постепенно погружаюсь в поверхностный нездоровый сон.

Да, вот я уже совсем сплю. Сквозь дрему ощущаю, как ты прижимаешь мокрые мягкие губы к моему плечу. Моей ноги касается твоя весьма отвердевшая плоть.

– Лёнь... – мой голос хриплый и словно натруженный. Слова царапаются в горле подобно песку.

– Я так хочу тебя, девочка моя. Вообще не понимаю, что ты со мной делаешь, у меня ни с кем так не было.

Да ведь и у меня ни с кем не было так. Хотя и вариантов для сравнения мало. Ты старше всех моих мальчиков – парней, любовников, любимых и любящих. В тебе нет ничего от стройности и упругости, присущей юности, из берегов которой я пока так и не выплыла. Твоя кожа влажная и горячая, темная от загара на предплечьях, грудь гладкая и безволосая, грудная клетка по-богатырски массивна. Уши крупные и жесткие, а губы, напротив, мягкие и тонкие. Легкая усмешка с губ переходит во взгляд. А глаза хороши – чистые, голубые и выразительные. Нос прямой, небольшой, с широким кончиком. Истинное рязанское лицо, если б не кустистые темные брови, которые иногда причудливо изгибаются. Подбородок как у девушки, аккуратный и маленький. Лицо, словно сотканное из множества других лиц. Ты мне показывал свой военный билет. Там ты моложе лет на двадцать и безумно похож на Сида Вишеса, тот же жёсткий взгляд, тот же мысок чёрных волос в основании лба. Я не могу сказать, красив ли ты, уродлив ли? Да я едва ли уверена, что могу представить тебя до мельчайшей черточки, закрывая глаза! Но, тем не менее, чувствую тебя, бесконечно ощущаю твоё присутствие всей поверхностью кожи. Когда мы остаёмся наедине, мое тело начинает подкидывать небывалые сюрпризы. От твоих прикосновений словно бьёт током, и мне хочется принадлежать тебе всем телом, всем разумом. Я буквально выпадаю в иную реальность, где нас только двое. Двое первых людей на планете, или двое последних. Ах, какая разница, если это влечение древнее нас, древнее этого мира!

Схватка среди разоренной постели жаркая и недолгая. С моих висков льет пот. Простыни в пятнах от неловко выплеснутого пива, в крошках от чипсов, в хлопьях пепла. Я себя чувствую лет на пятнадцать. В мыслях – разброд и смятение.

Ты кладешь голову мне на грудь.

– Инночка, я вот думаю, как же мне повезло, что ты обратила на меня внимание. Не могу поверить, что ты моя, что это тело – моё!

Если честно, твой восторг мне непонятен, но, всё же, льстит и повергает в какую-то глубокую, необъяснимую нежность.

– Ты – моя последняя любовь, или первая, я не уверен, что любил кого-то так, как тебя, я ни с одной женщиной так не разговаривал, ни с одной не вел себя так в постели. Ты – моя девочка из песни «Клубника со льдом», такая красивая, такая талантливая. Вот только одно непонятно – что ты во мне нашла-то, а?

Кусаешь меня за плечо, заглядываешь в глаза.

– Любят обычно ни за что-то, а вопреки, – отзываюсь я, помедлив. – Я не знаю, я не хочу ничего анализировать, тебе разве плохо сейчас?

– Хорошо, родная, только как нам жить дальше? Ты же уйдешь от мужа? – твой взгляд требователен и полон боли.

– Возможно... Я не знаю...

Я растеряна. Я обескуражена. Я пьяна. Я не хочу ничего решать. Я боюсь заглядывать в будущее. Я себя чувствую подростком, заблудившимся в каменных джунглях. Я всего несколько недель назад снова почувствовала себя живой. Я опять пишу картины. А дальнейшее, бытовое, неизбежное – думать об этом не хочется абсолютно. Вот вроде минута – и мы были полны любовью и негой до краев, а тут уже еще миг – и снова надо принимать решения, возвращаться во взрослую жизнь.

У меня есть ты, есть музыка, есть цветущий июньский полдень и полпачки сигарет – что еще надо для вдохновения? Зачем все рушить?!

Скомкано пытаюсь объяснить тебе всю эту сумятицу мыслей. Пока она не оформлена в слова, всё кажется логичным и простым, но стоит ей прозвучать, как тут же начинаю остро чувствовать фальшь и нелепость, которые смердят как несвежее белье.

– Миленькая, тебе легко рассуждать. У тебя вся жизнь впереди. А у меня? Сколько мне осталось?

– Тебе ж только сорок один. Для мужчины, говорят, это не возраст... – протягиваю я, но слова режут уши.

– Я хочу семью и детей своих хочу, собственных. У меня вот трое, но я не видел, как они растут. Не сложилось, понимаешь? Роди мне малыша, любимая! Роди, и я все для тебя, для вас, сделаю!

– А как же моя Катька? – растерянно спрашиваю я, еще не до конца понимая, о чем ты просишь.

А сам-то ты понимал, интересно?!

Роди! Легко говорить тому, кто не был в веселеньком аду под названием роддом! Явственно припоминаю оживший кошмар в виде огромного живота, твердого, скрученного болью, будто захваченного чуждой и властной силой, алые мазки крови на крахмальной больничной простыне, животный страх и ужас, ощущение, что я вот—вот погибну. За что человеческому существу такие муки, страх неизвестного, страх за еще не рожденное маленькое и теплое существо, которое отчаянно стремится на белый свет. А я не готова, я боюсь, я не знаю, что делать, и как дышать, и я же не знала, что будет так больно! И эти слова – о боли – словно выписаны на беленом больничном потолке, подобно как в одном старом фантастическом романе беглый преступник так же выписывал фразу «Я не знал, что это так больно» на тюремной стене. Я вспоминаю этот роман, отвлекаюсь, и мне становится чуть легче, но снова схватка, и потуги, и накатывает ощущение, что тебя разрывает, распяливает, приносит в жертву темная, пришедшая извне сила, и теряешь человеческое лицо, и рычишь по-звериному, вцепившись в подушку зубами, и приходит сонная акушерка. Почему то на ней байковый халат, наброшенный поверх хирургической пижамки. Она строго велит не ерзать и не выдергивать капельницу их запястья. Шестнадцать часов сюрреалистического кошмара – и моя Катька, мокрая, красная и орущая лежит на моей груди, и мир суживается до этого морщинистого маленького личика, обрамленного мокрыми кудряшками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.